

ПОБЕДИМЫ 8 1981

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Август, 1981, № 8

В НОМЕРЕ:

«В ЗОНЕ, НЕ РЕКОМЕНДУЕМОЙ ДЛЯ ПОСЕЩЕНИЯ» И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ, РАСКРЫВАЮЩИЕ СУТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ВАШИНГТОНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Это уже давно стало общим местом в характеристике капиталистического мира: бедные ютятся в лачугах, богатые роскошествуют в особняках и сверкающих стеклом и алюминием небоскребах. И все же (снимок на первой странице обложки) для тех, кто живет рядом с роскошью, но никогда не сможет воспользоваться даже сотой, даже тысячной ее долей, такое положение не станет привычным общим местом в характеристике их нищеты и бедствий. Снимок символичен: в сегодняшней Америке делается все для того, чтобы богатые стали еще богаче, а бедные... Ну да об этом читатель прочтет множество документальных свидетельств в этом номере журнала.

4. СМОТРИТЕ
6. Джудит Левин. В ЗОНЕ, НЕ РЕКОМЕНДУЕМОЙ ДЛЯ ПОСЕЩЕНИЯ
8. Гэс Холл. «ДАВАЙТЕ СОПОСТАВИМ...» (продолжение на стр. 10, 12, 14, 16, 19, 22, 24)
9. Карен Херинг. ЕСЛИ НЕЧЕМ ПЛАТИТЬ...
10. Герберт Кохл. «КАК ВАМ ЗДЕСЬ НРАВИТСЯ?»
13. Мэтью Берк. ЭТО НЕ КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА УЖАСОВ
15. Зита Аллен. «НА ЧЬЮ ПОМОЩЬ ЕМУ РАССЧИТЫВАТЬ?»
17. Майкл Х. Браун. КАК ОТРАВЛЯЮТ АМЕРИКУ
20. Фрэнк Роуз. КОРПОРАЦИЯ «ПЕНТАГОН»
22. Глория Эмерсон. НЕУЖЕЛИ ВСЕ ЭТО ПРАВДА?
25. Л. Переверзев. МЕЖДУ МАЖОРОМ И МИНОРОМ
28. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
30. Жан Ко. «Я — ЗВЕЗДА, И ЭТИМ ВСЕ СКАЗАНО...»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. Н. КОМИССАРОВ (зам. главного редактора), В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Оформление И. М. Неждановой

Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.

Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 17.06.81. Подп. к печ. 27.07.81. А01405. Формат 84x108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 220 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 953.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Суцеская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

НЬЮ-ЙОРК. Известный всему миру своими книгами о детях доктор Бенджамин Спок выступил с решительным протестом против американской военной поддержки сальвадорской хунты. «Кошмар Вьетнама начинался так же, — заявил он. — Если мы ничего не сделаем, молодые американцы скоро будут стрелять из винтовок, которые поставляются сегодня в Сальвадор, и умирать там... Если мы не остановим наших генералов, следующей крупной «программой по борьбе с безработицей» может стать война против партизан на кофейных плантациях Сальвадора».

САНТЬЯГО. Новый закон о вузах, принятый чилийской хунтой в этом году, превратил высшее образование страны в выгодный бизнес. Теперь любое частное лицо, располагающее достаточными средствами, имеет право основать собственное высшее учебное заведение и назначить плату за обучение. Новый закон также подтвердил строжайший запрет на любые проявления политической активности студентов.

НАБЛУС. Палестинские студенты из университета Ал Наха, который находится в Наблусе, на оккупированном Израилем Западном берегу реки Иордан, провели сидячую забастовку протеста против репрессий и террора оккупационных властей. Незадолго до этого израильские солдаты ворвались в помещения университета, избили многих студентов и произвели массовые аресты. Арестованные выступали за неотъемлемое право палестинского народа на самоопределение и образование независимого палестинского государства.

ШЕФФИЛД. Ветераны движения за мир считают, что уже полвека этот английский город не видел столь мощной мирной демонстрации. В ней приняли участие коммунисты, профсоюзные активисты, представители разных политических партий и молодежных организаций. Демонстранты требовали ограничить производство ядерного вооружения, не допустить размещения крылатых ракет на территории Великобритании.

На снимке: тысячи юношей и девушек скандируют: «Мы хотим работы, а не бомб», «Не допустим новой Хиросимы».

ВЕНА. Здесь прошла первая сессия Консультативного комитета Организации Объединенных Наций по подготовке Международного года молодежи (МГМ). Сессия обсудила и приняла программу подготовки и проведения МГМ, намеченного на 1985 год. Важное место в программе занимает раздел, предусматривающий участие молодежи в борьбе за мир. Права молодых людей, подчеркивается в документе, могут быть осуществлены только в условиях мира. Предлагается широкая культурная программа, в которую, в частности, должны войти международный кинофестиваль фильмов по проблемам молодежи, театральные фестивали с участием молодежных трупп, музыкальный фестиваль молодых композиторов, дирижеров и исполнителей.

ХАНОЙ. Здесь создан Институт театра и кино. Это новое высшее учебное заведение образовалось в результате слияния театрального и танцевального училищ, а также школы кинематографии. На факультетах нового института будут обучаться 1200 студентов.

МОАТИЗ. Более года назад в этом шахтерском городке Мозамбика открылось первое в стране профессионально-техническое училище Организации мозамбикской молодежи. Его строили молодые мозамбикские строители и добровольцы из ГДР, члены Союза свободной немецкой молодежи. Училище было построено на девять месяцев раньше запланированного срока. Сейчас учащиеся под руководством преподавателей из ГДР проходят первую производственную практику на предприятиях республики.

ДЮССЕЛЬДОРФ. Отдых в ГДР все больше завоевывает популярность у школьников ФРГ. Сотни из них проводят каникулы вместе со своими сверстниками — членами Союза свободной немецкой молодежи ГДР. Поездки организуют Германская коммунистическая партия и «Юные пионеры» ФРГ. Четырнадцать дней длится смена в летних лагерях, ребята вместе ездят на экскурсии, занимаются в кружках, совершают морские прогулки.

На снимке: «На следующие каникулы мы приедем опять!» — говорят западногерманские школьники, отдыхающие в детском лагере Бад Саров.

БУДАПЕШТ. Всемирная федерация демократической молодежи (ВФДМ) опубликовала призыв — провести акции солидарности с молодыми американцами, борющимися против расизма, за мир и право на труд. Необходимо, говорится в документе ВФДМ, потребовать от администрации США принятия экстренных мер для прекращения расистского террора в стране, отказа от политики вмешательства во внутренние дела других стран, создания рабочих мест для молодых безработных.

БЕЛФАСТ. В Северной Ирландии стремительно растет безработица, в настоящее время она равна 17,3 процента. В будущем финансовом году, по официальным прогнозам, она достигнет 20,8 процента, а в 1983 году поднимется до 22,3 процента. Значительная часть безработных Северной Ирландии — выпускники школ.

КИТО. Как сообщает Латиноамериканский бюллетень, издаваемый Международным союзом студентов, в Эквадоре каждый год 200 тысяч детей остаются за порогом школы и пополняют ряды неграмотных. Примерно одна треть населения страны не умеет читать и писать.

ГАВАНА. «Кузнецы будущего» — так называлась прошедшая в кубинской столице выставка, на которой представлены сотни работ членов молодежных технических бригад новаторов, рационализаторов, изобретателей. Созданные в 1964 году, эти бригады насчитывают ныне более 140 тысяч человек.

РИМ. Итальянская печать сообщает об участившихся случаях захвата пустующих домов людьми, не имеющими жилья. Вот и в этот раз, едва рассвело, десятки бедствующих семей заняли этажи пустующего дома. Когда митинг в доме был в самом разгаре, прибыла полиция. После долгих уговоров и угроз «бунтовщики» покинули занятые квартиры. «На этот раз обошлось без жертв», — сказал полицейский корреспонденту римской газеты «Паэзе сера».

На снимке: перед зданием, где пустуют удобные квартиры, собрались бездомные римляне.

ГЭС КОЛЛ.

Генеральный секретарь Коммунистической партии США:

Мир сейчас является свидетелем разительного контраста между деятельностью вашего съезда и конгресса США, которые отображают две общественно-экономические системы, развивающиеся в противоположных направлениях. Ваш съезд все внимание уделяет вопросам создания лучшей жизни для людей в условиях мира и разрядки. А в конгресс США на прошедшей неделе были внесены предложения о значительном урезывании средств на социальное обслуживание, образование, жилищное строительство, здравоохранение, на выплаты престарелым и безработным при одновременном увеличении ассигнований на нужды монополистических корпораций и Пентагона.

(Из выступления на XXVI съезде КПСС)

Социально-экономическая программа нынешней администрации США на 1981—1986 годы предусматривает:

- СОКРАЩЕНИЕ расходов на социальные нужды на 475 МИЛЛИАРДОВ долларов;
- СОКРАЩЕНИЕ реальных доходов трудящихся с учетом инфляции и роста стоимости жизни на 200 МИЛЛИАРДОВ долларов;
- УВЕЛИЧЕНИЕ военных ассигнований на 645 МИЛЛИАРДОВ долларов;
- УВЕЛИЧЕНИЕ прибылей корпораций за счет снижения налогов на 164 МИЛЛИАРДА долларов.

1. Шахтеры перед Белым домом: «Сокращение пособий означает убийство».

2. Демонстрация протеста в городе Олимпия, штат Вашингтон.

3. Овации «программе оздоровления» в конгрессе США.

4. «Нет!» — заниженной оплате труда молодых.

5. Автомобилестроители США протестуют против сокращения рабочих мест.

6. Бастуют врачи: «Спасите больницы города!»

Программа администрации США на 1981—1986 годы предусматривает:

— ЛИКВИДАЦИЮ расходов в размере 3,7 МИЛЛИАРДА долларов в год на программу найма безработных в муниципальные органы;

— СОКРАЩЕНИЕ фонда пособий по безработице начиная с 1982 года (первое сокращение — на 1,2 МИЛЛИАРДА долларов).

Американцы являются свидетелями начала опасной и вредной политики перекачивания массы долларов из казны в карманы монополий, когда раздевают бедняка и наряжают богача.

Джерри УЭРФ, председатель федерации профсоюзов служащих учреждений штатов, округов и муниципалитетов

Как живут безработные сегодня, рассказывает американская журналистка Джудит ЛЕВИН:

Мы поднимались по выкрашенной в серый цвет и испещренной рисунками и надписями лестнице в квартиру Эдит, и я сказала Лори, что за те несколько недель, что я бывала здесь регулярно, этот дом начал казаться мне моим домом. Но сейчас чувство ушло. Сейчас стоял декабрь, прошло уже почти три недели, как я закончила репортаж об этой пуэрто-риканской семье, и, хотя мы и собрали целый узел одежды, чтобы подарить Эдит на рождество, хотя я часто думала о том, как она носит туфли на босу ногу в такие холода, хотя мне очень хотелось вручить подарки детям, я все откладывала свой визит.

Возможно, мною снова овладел страх — страх перед этим чужим мне районом, страх перед людьми на его улицах, страх перед насилием, которое казалось здесь совершенно естественной частью жизни и о котором Эдит или ее дочери упоминали просто так, между прочим, когда гуляли со мной: вот здесь убили двух подростков, а вон там их родственника пристрелила уличная шайка, а на том углу муж Эдит, Тако, однажды врезал ей, а один тип увидел и врезал ему.

Не могла я забыть чувства горя и мучительного ужаса, охвативших меня, когда Лори впервые рассказала мне об этой семье: Эдит тридцать девять лет, а выглядит она на все шестьдесят. У нее нет кистей рук: лет тринадцать назад ее первый муж отсек их мачете в приступе беспричинной ярости. Эдит и четверо младших из ее десяти детей живут в выстуженной, захлавленной квартире стоимостью 218 долларов в месяц. Вместе с ними живет второй муж Эдит, Тако. Напиваясь, он бьет и ее и детей. У Эдит и у детей тяжелая астма, усугубляемая холодом, плохим питанием и отсутствием медицинской помощи.

Именно страх и ужас отчаяния, даже отвращение и желание хоть как-то из-

В ЗОНЕ, НЕ РЕКОМЕНДУ- ЕМОЙ ДЛЯ ПОСЕЩЕНИЯ

бавиться от этих чувств, заставили сначала Лори делать фотоочерк об этой семье, а потом и меня писать о них.

Лори — профессиональный фотограф. С Эдит она познакомилась три года назад. Постепенно визиты в эту семью превратились для Лори в своего рода обязательство. Каждый раз, когда она приходила, Эдит настоятельно просила ее прийти еще раз и, к удивлению Лори, просила снимать ее еще и еще.

Сначала на эту женщину просто невозможно было наводить объектив, потому что Лори приходилось смотреть на то, что ей было стыдно видеть: крайнюю нужду. Но, начав снимать, Лори, по ее словам, осознала, что не смотреть куда хуже, чем смотреть.

Смотреть стало много легче благодаря самой Эдит. Ее умение вести дом, ее умение не замечать свое увечье и ее желание сниматься говорили о том, что человек она не ущербный. Там, где она живет, увечья — дело обычное. Они есть у многих бедняков; дети получают их, играя в опасных местах, а плохое медицинское обслуживание оставляет шрамы там, где хороший врач мог бы предотвратить их. Но самое главное, что заставляло Лори и меня возвращаться туда, — это совершенно неожиданное ощущение искреннего человеческого тепла, с которым Эдит и ее семья принимала нас.

В тот декабрьский день всю кухонную мебель вынесли в гостиную. Тако и Анджел, восемнадцатилетний сын Эдит, настилали в кухне новый линолеум, который Эдит именвала ковром, и который, как она не уставала нам повторять, Тако подарил ей на рождество. В углу вспыхивали и гасли цветные лампочки пластмассовой рождественской елки, и один из серебряных шаров урчал, как марсианская птица. Эдит была очень рада нас видеть, тринадцатилетний Франческо возбужденно прыгал вокруг нас, а мальчики помладше — двенадцатилетний Карлос и десятилетний Рафаэль — просто повисли на нас. Тако, обычно напряженный в нашем присутствии, чрезвычайно, казалось, гордился своей ролью отца семейства и удостоил нас обеих церемонного поцелуя в щеку. Пока Эдит примеряла принесенные платья, он смотрел на нее улыбаясь, без обычного критического выражения в глазах.

Я с облегчением, почти что с радостью, наблюдала за ним. До сих пор я видела только проявления его взрывоопасного темперамента, при нем вся семья была настороже. А сегодня ему доставляло искреннее, неограниченное удовольствие делать что-то для семьи. Он работал быстро, делая перерывы, чтобы попозировать перед камерой. Когда Эдит попросила меня сходить в лавку за банкой супа и кока-колой, он — добытчик! — отвлекся от работы и выдал мне три купюры.

Семья эта живет в атмосфере спаянности, взаимозависимости, интимности, рожденных нищетой, изоляцией от внешнего мира. И, хотя чувство юмора Эдит и ее благородный характер при-

дают этой спаянности колорит, основа жизни семьи — насилие. Насилие, царящее внутри, носитель его — отчаявшийся и отчаянный безработный Тако. И насилие, которое врывается в жизнь семьи извне. Находиться здесь — значит разделять с ними ощущение непрочного убежища, чувство того, что на тебя все время нападают. Мы провали в этом убежище всего лишь часа полтора, но, как всегда, возвращались к себе абсолютно измотанными.

Раннее утро в начале ноября. Эдит, сидя на диване, обнимает Лори и меня за плечи: мы ее «амигас американас». Она между нами как пруттик: весит фунтов восемьдесят пять, хронически больная, взволнованная и преисполненная благодарности за наш визит. Не знаю, считает ли она нас чужими на ее земле, или себя чужой на нашей. Знаю только одно: чтобы попасть туда, где живет Эдит, в Лойсайду, мы пересекаем своего рода границу.

Лойсайда — еще один город внутри города Нью-Йорка. Северная ее сторона упирается в рев автомобильных гудков и кабацкий гомон 14-й улицы, с юга она льется соленой волной испанского в Элдридж, пока испанский не разбавляется китайским и идишем. И по мере того как рынок квартирсыемки толкает Ист-Виллидж все дальше на восток, заполняя авеню «А» студентами Нью-Йоркского университета, Лойсайда сползает все дальше к Ист-Ривер, удаляясь от метро, от уборки мусора и регулярного автобусного сообщения, от забот домовладельцев и политиков.

Топография Лойсайды отмечена снесенными и полуразрушенными зданиями, блоками незаконно заселенных домов, а также домов, брошенных обитателями. Люди англо-саксонского происхождения в большинстве своем этот район не посещают. Лори видела туристскую карту города, на которой Лойсайда была закрашена черным и названа «зоной», не рекомендуемой для посещения.

С самого начала, поскольку я «ла американа» да еще говорю по-испански, я чувствовала себя обязанной погрузиться в бесчисленное множество различных процедур и формальностей, связанных с жизнью на пособии. Я разбиралась в бумагах Эдит, в сумках, полных форм, анкет и конвертов, я выступала как посредник в ее делах. Я неоднократно повторяла, что пишу очерк о семье для газеты «Виллидж войс», но это не производило никакого впечатления. Газета для них просто не существует, не существую, следовательно, и я как газетный репортер. Я просто друг. Но что за друг?

Дети Эдит частенько ходят в гости к Лори, но, когда Эдит сказала, что семья нанесет визит мне, я вся оцепенела. Меня беспокоило то, как они воспримут мою квартиру. Квартиру со стереоустановкой и антикварной мебелью. Подает ли я им вино в высоких бокалах голубого хрусталя, оставшихся мне от бабушки?

Понять, дома ли Эдит или дети, мож-

но уже на третьем этаже, потому что если они дома, то слышна музыка. Она всегда включена на полную мощность. Хотя в доме нет самого необходимого, в нем полно всякого хлама. В маленькой комнате всего лишь четыре предмета обстановки, но кажется, что ее больнично-зеленые стены прогибаются под грузом собранных откуда попало украшений: большой «гобелен», изображающий пять кошек, занятых игрой в карты, впечатляющая фотография белого котенка с розовым бантом на шее, африканские маски, восьмиугольное зеркало, десятки вырезанных из журналов картинок шикарных дам, птиц, лодок и солдат, огромное черно-белое фото мальчиков.

Кухня тоже завалена до предела и в то же время совершенно пуста. Дверь холодильника изукрашена изображениями фруктов, но внутри лишь пачка мороженого, полквартиры молока, миска желтого риса, банка с двумя лавровыми листиками, маленькая бутылочка острого соуса, пол-луковицы, полбуханки черствого хлеба, банка кукурузы и чашка, в которой лежит кусок льда.

Большую часть комнаты Эдит занимает кровать. Рассеянного вида ангел висит почти под самым потолком, как бы возносясь на своих желтых пластиковых крыльях в небо. А в углу стоит настоящий ангел-хранитель: кислородный баллон на случай приступа астмы у Эдит.

Комната мальчиков узкая и темная, окно, которое выходит на пожарную лестницу и через которое в квартиру четыре раза забирались взломщики, забито куском фанеры. У стены стоит огромный резной комод, напротив него койка, на которой спят трое ребят.

Рафаэль не пошел в школу и остался дома, чтобы ухаживать за матерью — опять приступ астмы. Так бывает довольно часто. Ему десять лет, в семье он «младшенький», и в нем есть что-то очень милое, резко контрастирующее с безразличной манерой поведения взрослого мужчины, которую он без особого удовольствия демонстрирует в компании старших братьев. По отношению к матери он ведет себя как заботливый родитель, делает все, что требует помощи пальцев: застегивает ей кофту, причесывает, втыкает булавки и убирает квартиру.

Около половины одиннадцатого Эдит посылает его вниз купить сахару нам к кофе и «дос ботеллас» — куриной лапши. Вернувшись, он разогревает содержимое обеих банок, кормит мать и усаживается перед телевизором, наливая себе супу в большую красную салатницу.

Это и не завтрак и не обед. Жизнь семьи не регулируется определенными часами трапез или других дел: все равно никто не работает. Лишь Тако подрабатывает время от времени.

Свободно владеет английским только Рафаэль, поэтому он часто выступает в роли переводчика семьи. Мне он подсказывает испанские эквиваленты таких слов, как «азартные игры»,

«катушка» и «ящерица». Подобно большинству живущих в США пуэрто-риканских детей, он не умеет ни читать, ни писать по-испански, хотя подолгу валяется на койке, читая по-английски. Когда он показал мне написанное им стихотворение, я начала задумываться: имеют ли слова какой-либо смысл для него? Он составил это стихотворение из слов, содержащихся в книге об автомобильных гонках. «Стихотворение» начиналось так:

Есть много дорожных
Гоним в Соединенных.

И кончалось:

Трансамер.

Он прочитал мне отрывок, в котором рассказывалось о том, сколько этапов бывает в различного вида гонках. Но когда я спросила его, что означает слово «этап», он не смог мне ответить.

Территория, на которой проходит жизнь этих людей, очень ограничена. Большинство членов семьи воспринимают мир как нечто поделенное на их собственный район, не связанные между собою места, где живут родственники (Бруклин, Бостон), Пуэрто-Рико и все остальное пространство, знакомое им по телевизору. Один только Эдвин, член Пуэрто-риканской социалистической партии, имеет связанное представление о внешнем мире.

Жизнь семьи плывет в какой-то неопределенности и одновременно как бы держится на якоре. Все время что-то происходит. Эдит — мatriарх семьи, состоящей из 25 человек, поэтому в доме всегда кипит деятельность. Приходит дочь Пили, вручает Эдит своего пухленького младенца, который вечно вопит — до того пылко все его любят и до того громко и эмоционально выражают ему свои восторги. Приходит со своим трехлетним Розалито еще одна дочь — двадцатичетырехлетняя Марта, которая живет через дорогу. Дети бегают и визжат вместе с Рафаэлем. Анджел и его приятель советуются с Эдит, как найти квартиру для Пили. Все время что-нибудь происходит, но, по сути дела, ничего не меняется. Нас с Лори это изматывает, отчасти из-за бесплодности ожиданий: мы ищем смысла в этих бесконечных действиях, надеемся увидеть хоть какой-то результат всех этих усилий.

Больше всего меня доводит почти

абсолютное пренебрежение временем. Я обещала проводить Эдит в стоматологическую клинику на авеню «Д». Я боялась, что если мы придем в клинику слишком поздно, то нам придется долго ждать, а то и совсем не успеем попасть на прием. Поэтому я приехала к Эдит очень рано и уговаривала ее — и по-английски и по-испански — поскорее отправиться.

Мы покинули дом около половины третьего. И, хотя ходьбы было минут на десять, до клиники мы добрались к четырем часам: слишком много знакомых встречалось Эдит по дороге, и со всеми надо было перекинуться словечком. К счастью, в поликлинике народу было немного. Люди в очереди по обыкновению жаловались, как трудно жить на пособие. И вдруг эти банальные жалобы начали приобретать для меня конкретный смысл — эти люди жили вне времени и вне жизни: бессмысленная, тупая безнадежность существования отнимала и силы и желания. Я поняла Эдит: не было никакого смысла спешить. Мы с таким же успехом могли прийти к девяти, прождать весь день и услышать в пять часов, что можем идти домой, потому что сегодня нас не примут. Можно сердиться, говорить о своих правах, но безразличие Эдит производит куда более страшное впечатление.

Свеча для «буэна серте» — «доброй удачи» — горит в доме Эдит постоянно. Эдит носит ожерелье из индейских заговоренных бусинок. За неимением лучшего объяснения она просто считает, что в жизни ей не повезло. Ну как еще объяснить то, что после стольких лет упорных стараний найти работу семья все еще живет на пособие? Эдит считает, что исчерпала все доступные ей практические решения, и поэтому практикует теперь «сантерию» — религию святых. Она покупает свечи различных цветов и размеров, четки, образки, благовония. И при всей ее вере в ритуалы она относится к их умению повлиять на жизнь со своего рода висельным юмором. «Не знаю, — сказала она однажды, — может, я что-то делаю не так».

Стояло воскресенье, мужчины были дома. Как армия оккупантов, вторгшаяся в город женщин и детей, они принесли с собой аромат насилия, атмосферу намеков и недомолвок. Мы

нервно пытались угодить нашим неравнодушным оккупантам.

Эдит нарядилась и вела себя по-девичьи, но оставалась настороже. Тако время от времени вспыхивал, замахивался на нее. Я не знала, как мне быть: показать, что я все понимаю, или притвориться, что не понимаю ничего. Притворяясь непонимающей, легче было избежать конфликта и не нарушать этикет. Кроме того, меня беспокоило положение, в которое могла попасть Эдит. К ней, моей истинной союзнице, я испытывала чувство жалости и желание защитить ее.

Мы собирались поехать навестить семью сестры Эдит в Бруклин. Как обычно, сборы заняли немало времени. К тому времени, как мы наконец отправились в путь, уже стемнело и хлынул ливень. Мы купили несколько картонок пива, которое Тако тут же начал пить — банку за банкой.

Тако напился, и милый семейный выезд начал приобретать совершенно иной характер. Вспыхнула ссора. Вскоре все, кроме детей, которые хранили благоразумное молчание, орало одновременно. Нардо сказал мне, чтобы я не волновалась, что это у них не серьезно, они все время так. Но по мере того как скандал разгорался, я все меньше и меньше понимала, о чем шла речь. Всего лишь полчаса назад я чувствовала себя счастливой оттого, что они приняли меня как свою, а сейчас я ударила в панику. Что я здесь делаю?

Все еще шел дождь, становилось холоднее. Мне не хотелось покидать Эдит, но я боялась, что мне придется вступить за нее: я чувствовала себя одновременно и наивной, и беспомощной, и просто человеком, лезущим не в свое дело, и от этого меня охватывала ярость.

Наконец мы добрались. Я поняла, что сестра Эдит — Нильда — нас не ждала, но приняла она нас безо всяких церемоний.

Взрослые сидели в гостиной, говоря о стоимости авиабилетов до Пуэрто-Рико, дети играли на кухне. И вдруг неожиданно Эдит начала плакать. Сидя подле сестры, Эдит казалась маленьким, обескураженным, потерянным ребенком. Господи, думала я, господи, ну что я могу сделать? Еще раз принести старые платья?

«ДАВАЙТЕ СОПОСТАВИМ...»

В наше время существуют два разных, противоположных мира — две противостоящие социальные, политические, экономические и идеологические системы, которые соревнуются, борются во всех сферах жизни за умы и сердца народов мира. Эти соревнующиеся мировые системы сфокусированы вокруг ведущих сил каждого из миров — США и СССР.

Гэс ХОЛЛ,
Генеральный секретарь
Коммунистической партии США

Из доклада на дискуссии, организованной журналом Компартии США «Политика афферс».

Борьба за социальный и человеческий прогресс отчетливо отражается в отношениях между этими двумя странами, поскольку они являются центрами мирового противостояния двух систем — социализма и капитализма. Волей истории они оказались в роли испытательных образцов двух всемирных систем, и мир все время сравнивает их друг с другом. Никогда еще контраст между ними не был таким разитель-

на стр. 10 ►

Программа администрации США на 1981—1986 годы предусматривает:

— **СОКРАЩЕНИЕ** расходов на социальные службы, пособия инвалидам, престарелым и другим нетрудоспособным группам населения на 2,5 МИЛЛИАРДА долларов;

— **СОКРАЩЕНИЕ** субсидий на помощь нуждающимся в лечении на 1 МИЛЛИАРД долларов уже в 1982 году и на 5 МИЛЛИАРДОВ долларов в 1986 году;

— **СОКРАЩЕНИЕ** фондов на продовольственные талоны для семей с низким доходом на 1,8 МИЛЛИАРДА долларов.

В результате претворения этой программы в жизнь многие американцы могут остаться без куска хлеба и надежд получить его.

А. ШЕНКЕР, председатель американской федерации учителей

ЕСЛИ НЕЧЕМ ПЛАТИТЬ...

Как обеспечивается старость сегодня, рассказывает студент факультета журналистики Милуокского университета Карен ХЕРИНГ:

Этот дом мало кому известен. Здесь тихо. День за днем молчаливо глядят друг на друга забытые всеми старики, прикованные к инвалидным коляскам и больничным койкам. Здесь будто застыло время: редко мелькают спицы на бесшумных шинах колясок, выстроенных вдоль коридоров. Посетители редки.

На другом конце Нью-Йорка — дом-близнец. Высохший старик показывает на свой ремень: за последнее время он подтянул его на пять делений. В Эпплтоне, штат Висконсин, в доме с вывеской «Фамильное наследство» старушка слабо отмахивается от рожавших вокруг мух.

— Нас, кажется, называют постояльцами, — говорит она. — Я бы назвала заключенными.

За вывеской «Дубовая деревня» — те же истории, та же тишина... За глухими, «дубовыми» стенами этого и прочих подобных американских домов для престарелых — затерянный мир старо-

сти. Для полутора миллионов американцев эти дома — последние в их жизни. Постояльцам за шестьдесят пять. По статистике их уже не должно быть, им пора умереть... Правда, брошюры и рекламки обещают старикам ласку и заботу, если им есть чем платить.

История участия государства в финансировании медицинского обслуживания по старости берет свое начало в 1965 году, когда были созданы «Медпомощь» и «Медобслуживание». Очень скоро выяснилось, что эти новые государственные учреждения не способны помочь всем нуждающимся: не хватало средств, не хватало врачей, сестер, свободных мест. За шестнадцать лет мало что изменилось.

— В настоящее время усилилась тенденция сокращать, — говорит директор Ассоциации домов для престарелых Висконсина Шелдон Голдберг. — Когда выделенных сумм не хватает, сокращают штаты, понижают заработную плату обслуживающему персоналу... Бесплатные дома для престарелых охватывают всего двадцать процентов всех нуждающихся. Они — последнее место, в прямом и переносном смысле, где им может быть оказана медицинская помощь.

Социальное обеспечение не предусматривает лечения на дому. Часто больные умирают при транспортировке... Порой из-за нехватки мест в домах для престарелых пациентов госпитализируют в частные клиники. По идее, за них платит государство, однако на деле ни «Медпомощь», ни «Медобслуживание» не способны оплатить всех расходов на их содержание. Через двадцать дней после госпитализации пациент оплачивает одну восьмую стоимости счетов (около восемнадцати долларов в день). Через сто дней он обязан платить по счету полностью.

Спрос на медицинское обслуживание продолжает расти. Растут и цены. С 1973 по 1977 год они поднялись на шестьдесят один процент. Сегодня за медицинские счета платят от шестидесяти пяти до двух тысяч долларов.

Лечение престарелых, наверное, самая кастовая область в системе медобслуживания. Квалифицированную помощь получают лишь те, кто платит. Когда же кончаются сбережения, им приходится освободить место (хоть это и противозаконно) вновь поступившему платежеспособному пациенту.

Правительственный контроль существует только на бумаге. Несмотря на то что в последние годы в этой области принят ряд жестких постановлений, в домах для престарелых мало что изменилось. Неплатежеспособные пациенты все так же бесправны и заброшены.

— О бедственном положении пациентов в правительстве предпочитают не знать, — говорит инспектор домов для престарелых Висконсина. — Что можно сделать, если нет средств?

Ничто не расследовали так досконально и не забыли так быстро, как эти мрачные дома старости. В домах для престарелых мало что говорит о человеческом обращении с пациентами.

Но еще хуже, когда проблему медицинского обслуживания стариков государство отдает в частные руки. Чем больше «деловой мир» занимается

этой проблемой, тем более неразрешимой она становится.

— Сначала при закрытых дверях с владельцем частного дома для престарелых заключают сделку, потом, что и как он делает, не желают знать. Тех, кто возмущается, быстро ставят на место, — говорит инспектор.

Беки Грасси, сестра из Нью-Йорка, работая в одном из домов для престарелых, пыталась как-то защитить интересы стариков.

— Я чувствовала себя беспомощной, — говорит она. Однажды ее и всех остальных сотрудников заставили готовиться к «необъявленной» государственной проверке. Целую неделю наводили лоск. После проверки все осталось по-прежнему.

— А мне пришлось уйти, — говорит Беки.

Она и терапевт Мак Ки создали организацию под названием «Те, кого волнует жизнь пациентов домов для престарелых». Здесь Беки работает бесплатно, по десять часов в день, ведет борьбу за права престарелых и надеется, что так она принесет им значительно больше пользы. Организация постоянно растет, у нее уже есть отделения в других штатах. Она член Национальной коалиции борьбы за реформу домов для престарелых. Коалиция была сформирована всего четыре года назад, но к сегодняшнему дню насчитывает сорок членов-организаций и поддерживает тесные связи с шестьюдесятью другими, не входящими в нее.

— К чему все это? — говорит Мак Кензи, заместитель директора Ассоциации домов для престарелых Висконсина. — Пусть защитой прав престарелых занимаются их родственники и друзья. Остальные суются не в свое дело. Напрашиваются на неприятности.

Средний пациент дома престарелых беден, у него несколько хронических заболеваний, нет ни родственников, ни друзей. Умирает он не позже чем через год после госпитализации...

О положении в школах сегодня рассказывает американский учитель Герберт КОХЛ:

Я встал в семь и, когда в семь тридцать зазвонил будильник, был уже одет и собирался выходить. Потом пятнадцать минут на автобусе: девятая стрит, Мэдисон-авеню, сто девятнадцатая стрит — школа.

Я вспоминал вчерашнее собрание, слова директора: «Мы в центре кипучей активности — это так прекрасно! Никогда еще учителю не предоставлялись такие возможности... Мы в сложном положении: они трудные дети с трудной судьбой... Но награда за наши усилия прекрасна — их улыбка...» Я вспомнил пустой класс: обшарпанное пианино, разбитые окна, развалившиеся парты, потрескавшаяся штукатурка и гнетущая тишина. Учебники еще не прислали.

Мне вручили журнал с тридцатью шестью именами и тридцать шесть карточек-досье — официальное представление о моем классе. Я проглядел список: двадцать девочек и шестнадцать мальчиков. Шестой класс. Хотя предполагалось, что будет пятый, и я добросовестно готовился к нему целое лето. Я сложил карточки, положил их в ящик стола, ящик закрыл на ключ. Пусть ребята сами расскажут о себе.

со стр. 8 ▼

ным, таким явным, а состязание таким острым, как сегодня.

XXVI съезд КПСС и заседание конгресса США состоялись почти одновременно. В Москве перед съездом выступил глава партии и государства Л. И. Брежнев, а в Вашингтоне президент Р. Рейган доложил конгрессу о состоянии дел в стране.

Уже по одним из докладов можно ясно представить себе основополагающие принципы и идеи каждого общества. Л. И. Брежнев провозгласил, что содержание и цели одиннадцатой пятилетки составляют мир и созидание, счастье и благосостояние всего советского народа, устойчивое развитие экономики, постоянный рост уровня жизни и культуры людей, социальная справедливость, высокие идеалы гуманиз-

ма и подлинная демократия, социалистический образ жизни, девиз которого: «Все во имя человека, все для блага человека».

По другую сторону океана, в столице мирового капитализма, новый президент сообщил американскому народу, что «наша экономика переживает кризис, уровень жизни падает и на повестке дня стоит сокращение социальных программ». А руководивший составлением бюджета Дэвид Стокман провозгласил саму сущность капиталистической идеологии: «Американцы не вправе рассчитывать на какие бы то ни было поблажки». И подкрепил эти слова бюджетом, который приведет к небывалому перемещению средств из карманов рабочих и бедняков в сейфы богатеев и корпораций. Таким всегда был и остается руководящий принцип

на стр. 12 ►

Программе администрации США на 1981-1986 годы предусматривается:
— СОКРАЩЕНИЕ субсидий для вузовских преподавателей на 3,7 МИЛЛИАРДА долларов;
— ОТМЕНУ выплат по стипендиям для 800 тысяч студентов;
— СОКРАЩЕНИЕ фондов для исследования на 303 МИЛЛИОНА долларов;
— Ужесточение программы помощи преподавателям вузов. По 15 тысяч студентов будут вынуждены бросить учебу, если вузы лишатся финансовой помощи.
— Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт

КАК ОНИ УЩЕВЛЯЮТСЯ ПРАВДА?

Удивительно, как из скучнейшего ребенок превращается в остроумнейшего, из умнейшего — в самого обычного, стоит только забыть предвзятое мнение пражских учителей.

Дети пришли в девять, расселись по партам, смотрели на меня и молчали. (Все будет хорошо. Мы отлично поладим.) Я начал с переклички. Одно за другим — беспокойные, враждебные, безразличные, усталые, а порой презрительные лица. (Лучший шестой в школе. До сих пор без учебников.)

— Теперь я хочу узнать, кто вы такие. Возьмите чистые листки бумаги и напишите о себе.

Отрешенно они принялись за работу. Потом арифметика. Все то же безразличие. Непроницаемая стена отчужденных лиц.

— О чем вам хочется узнать в новом году? Меня зовут мистер Кохл.

Молчание. Мрачные лица. Их тридцать шесть на тридцать пять сломанных парт. (Терпение, не буду подсказывать: они достаточно взрослые, чтобы знать, что им интересно.) Молчание затянулось. Наконец в углу поднялась рука.

— Я хочу узнать о вулканах. Что такое вулканы?

Класс казался заинтригованным.

Я подошел к доске и нарисовал вулкан, в двух словах прокомментировал картинку и отошел от доски.

— Что-нибудь еще? — Долгое молчание. Потом все та же рука.

— Откуда появляются вулканы? — И не дослушав ответа: — Почему здесь нет вулканов?

Я понял, что меня испытывают. Изобразив на лице безмятежную улыбку, я подошел к мальчику и, собираясь поздравить его с удавшейся шуткой, ободряюще поднял руку. Мальчик съежился, закрылся руками, изогнулся, готовый дать деру к двери, за дверь, вниз по лестнице и вон, на улицу.

— Не бойся, не трону, — сказал я. — Ты ни в чем не виноват.

Мальчик озадаченно опустил руки, а я перешел к уроку по обществоведению — «Как мы стали современной Америкой».

— Кто знает, какой была Америка в 1800 году? — Хихикнули. — Кто-нибудь может сказать, что происходило в 1800 году? Вы это проходили в пятом классе. Что бы вы увидели тогда, скажем, на Мэдисон-авеню? — Нехотя поднялась тонкая, почти прозрачная рука.

— Автомобили?

— Автомобили в 1800 году? Вспомни, что вы учили в прошлом году, и попытайся еще раз. Так ты считаешь, что в 1800 году уже были автомобили?

Да нет... не знаю. — Она села. Класс заволновался. Наконец другая рука.

— Трава и деревья? — Класс захохотал. Я сдержался.

— Не вижу ничего смешного. Ответ правильный. В те дни здесь были поля, и деревья, и несколько домов. Таких домов, как сейчас, не было. Не было электричества. Возможно, не было даже Мэдисон-авеню.

Класс пришел в движение.

— Прекратите шум. Давайте подумаем. Какой была эта земля тысячу лет назад?

Неанятные реплики.

— Итак, если земля могла быть зеленой тысячу лет назад, почему бы ей не быть зеленой в 1800 году? — Шум сменился мрачной тишиной.

Я пытался шутить, приказывать, заигрывать, но класс оставался безучастным. Потом прозвенел звонок, и они ушли обедать. А я остался готовиться к следующему раунду, но тучи безнадежности уже зависли над мной: что толку в планах, программах и методах, когда они не хотят и, наверное, не захотят участвовать в уроке.

После обеда, опустошенный, я сидел в классе. Вскоре появились они, валяясь в крохотную аудиторию и не обращая на меня внимания, бегали, играли и дрались.

— Вы достаточно поразвились, — начал я. — Рассаживайтесь по местам. Приступим к уроку.

Никакой реакции. Мальчики продолжали носиться друг за другом, девочки стояли группками и сплетничали.

— В три часа, — обратился я к девочкам, — я вас отпущу, и вы сможете разговаривать сколько вам угодно.

Только одна из них обернулась и посмотрела на меня. Я решил попробовать последнее средство. На столе появился листок бумаги. На листке — две аккуратные колонки слов.

— Приготовьтесь к очень важному диктанту. Вот ты, девочка, — обратился я к одной из сплетниц, — как тебя зовут? Неома, достань листок бумаги, сложи его вдвое, подпиши и пронумеруй строчки. На первой стороне до десяти, на второй — до двадцати, так же, как написано на доске.

Нехотя девочки стали расходиться по местам. Мальчикам пришлось повторить четыре раза. Наконец все расселись и, казалось, приготовились к диктанту.

Хруп — скомканный лист полетел на пол. Я дал другой. Хруп — еще один,

хруп. Я вошел в ритм: быстро, молча раздавал листы.

Диктанту не было конца, но в два часа он все-таки закончился. Что теперь?

— Мистер Кохл, можно нам поговорить о летних каникулах? Десять минуточек?

Все десять минут они спокойно болтали, а я обдумывал, чем их занять в оставшиеся полчаса. Я проглядел планы уроков: с девяти до десяти — чтение, с десяти до десяти сорока пяти — обществоведение и т. д. и т. д. Что пользы в расписании?..

— Вам здесь нравится, мистер Кохл? — Я поднял глаза. Рядом наивное, грустное личико.

— Что ты имеешь в виду?

— Зачем вы нас учите? (Что?)

— Ну, я... не сейчас. Подожди ко мне после уроков, мы поговорим. А теперь за работу. Все по местам. Продолжим.

Она получила свой ответ и вернулась за парту. Она была удовлетворена. Класс затих и напряженно ждал продолжения событий.. Я ждал звонка.

— Уже почти три часа. У нас есть немного времени. — Я растягивал слова, думая только о звонке. — Сегодня первый день учебы. Конечно, мы многого не успели. Я надеюсь, что в дальнейшем мы будем успевать больше. Достаньте тетради, откройте их на чистой странице. Каждый день, кроме пятницы, я буду давать домашние задания... Слова казались тяжеловесными, неестественными, словно говорил не я, а кто-то старый и очень уставший.

— Я многое могу простить. Несделанное домашнее задание — никогда! В моем классе всегда все без исключения делают домашнее задание. Перепишите в свои тетради все, что я напишу на доске — Я повернулся к доске, лихорадочно соображая, что бы задать. Нечто такое, что сблизит меня с ними, даст им понять, что я беспокоюсь за них

— Нарисуйте дом, в котором вы живете, вашу комнату, мебель, телевизор, окна и двери. Произведений искусства я от вас не требую. Главное — показать, как вы живете. Запомните, в моем классе всегда все без исключения делают домашнее задание

Когда задание было записано, они собрали вещи, и через секунду класс был пуст, так же пуст, как в восемь утра. Усталый и опустошенный, я затопил следом, вниз по лестнице и

вон, на улицу, в бедлам сто девятнадцатой стрит.

Вокруг вымученно улыбались друг другу сутулые учителя: о, у них все в порядке! Я тоже натянул улыбку и зашагал легкой походкой человека, которого можно поздравить с очередной удачей... В висках стучало: вам-здесь-нра-вит-ся-мис-тер-кохл-вам-здесь-нра-...

На следующее утро прислали учебники. Тридцать семь по арифметике. Оказалось, что они разных авторов. В остальных классах с арифметикой было куда хуже: многие ученики остались вообще без учебников. Впрочем, это не имело значения. После первого домашнего задания по арифметике я выяснил, что половина класса так и не освоила умножение.

С чтением было не лучше... Половина лучшего в школе шестого класса читала еле-еле, на уровне четвертого, и только пять-шесть человек — на уровне шестого. Учебников прислали два полных комплекта. Я ликовал. Но недолго. Учебники оказались пошлыми и скучными¹. По ним мне предстояло учить, с их помощью доказывать, как важно и интересно читать. Я почувствовал себя преданным. Эти учебники вынуждали меня стать лицемером. На какое уважение может рассчитывать лицемер и как преподавать без уважения?

Мне посчастливилось раздобыть двадцать словарей. Но в каком состоянии! Возможность отыскать там хотя бы одно непорванное слово равнялось нулю

На следующее утро, в девять, обложившись этой скудной библиотекой, я сидел за своим столом в окружении ребят.

— Паршивые книги!

— Мы их уже прочли, мистер Кохл.

— Вонючая, грязная школа!

— Давайте говорить начистоту, сказал я. — Мне эти учебники тоже не нравятся, но других нет. Придется смириться. Потом что-нибудь придумаем

Я раздал книги и начал урок чтения. Кое-кто поднимал руки, но большинство старалось не попадаться на глаза. Те, кто читал, кое-как выговаривали отдельные слова, но никак их не связывали. Смысл читаемого полностью терялся. Я старался упростить задачу,

¹ В США нет единой программы обучения в школах. В каждой школе своя программа, учебники присылает попечительский совет — Примеч. ред

но тщетно: они не доросли до этих учебников

Урок закончился, поднялась рука

— Мистер Кохл, помните вчерашние десять минут? Мы так устали от этого чтения

Я не знал, как реагировать на просьбу Роберта. Вспомнилась директива администрации: «Ни минуты не тратить зря. Все должно быть продумано заранее и четко спланировано». Но почему «не тратить»? Разве ребята не тратят зря годы — не минуты — в этой школе?

Через десять минут мне стоило двадцати минут и огромного труда заставить их разойтись по своим местам. В эти минуты я познал, что такое настойчивость и умение требовать. Когда воцарилась тишина, я вновь вернулся к теме «Как мы стали современной Америкой». Но, как и в прошлый раз, затея с треском провалилась. Выяснилось, что они не знают разницы между рекой, островом, океаном и озером, между страной, городом и континентом; между двумя годами и двумя столетиями... Было тому виной безобразное обучение, была ли тому другая причина, я не знал. Но одно я узнал наверняка: о современной Америке они и слышать не хотели

В классе царил апатия.

— Открытие парового двигателя, — продолжал я сотрясать воздух, — явилось одним из самых... Ах, о чем я рассказывал?

— А? — Он выглядел скучающим. Отяжелевшее лицо, отсутствующий взгляд, устремленный в никуда... Утро медленно подтянулось к концу

Полдень начался со взрыва. Чуть ли не пол-урока я успокаивал своих подопечных. Когда шум улегся, меня ждал новый сюрприз: только четырнадцать из тридцати шести выполнили домашнее задание. Девянадцать из четырнадцати были девочки. И это после всех напыщенных фраз! Я задумался. Что это? Демонстративный жест (если так, то закономерный), неумение, стыд за результат? Да и правильна ли формула: «Хорошо=Сделанное домашнее задание» и «Плохо=Несделанное домашнее задание» — когда так бессмысленна вся школьная жизнь. Подумав, я решил забыть эти двадцать два несделанных задания, попутно заметив, что домашняя работа была первой и не очень важной. Потом я принял четырнадцать сделанных работ — без церемоний, без похвал. Признаться, теперь я и сам не понимал, зачем они были нужны.

со стр. 10 ▼

американского капитализма. Нынешняя же администрация представляет монополистический капитал, так сказать, в чистом виде, откровенно и без маскировки. Ее план состоит в том, чтобы большинство населения стало жить на уровне бедности. Иными словами, ограбить малоимущих в пользу многоимущих, нищих — в пользу жадных.

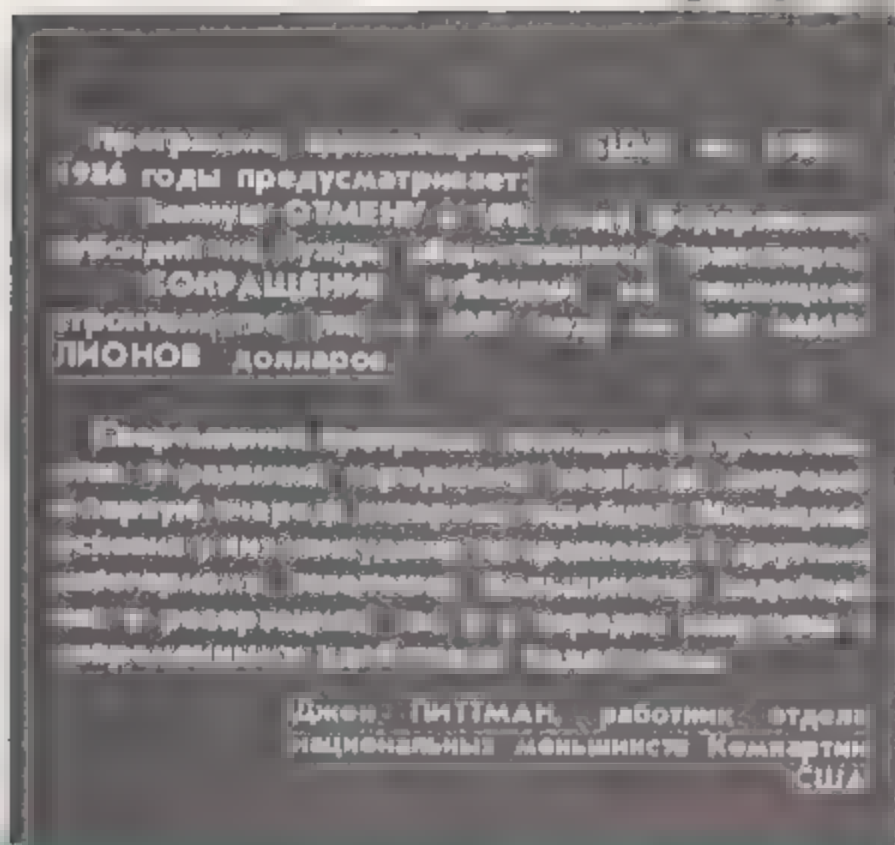
Участники этого заговора решают, кому есть, а кому голодать, и одновре-

менно разводят лицемерные дебаты о том, кого можно считать «нуждающимся», кого — «действительно нуждающимся» или «не столь нуждающимся», кого зачислить в «бедные», а кого — в «почти бедные». Для монополистического же капитала создается настоящее золотое дно — посредством ослабления государственного контроля, с помощью субсидий и займов, налоговых послаблений и прочих лазеек, а то и явных подарков. Суть этой полити-

ки в том, чтобы обеспечить максимальные прибыли корпорациям и банкам и всеми возможными способами ускорить этот процесс за счет рабочего класса и всего простого народа.

Чтобы осуществить это перемещение средств, совершить очередной монополистический грабеж, правительство срезает ассигнования на продуктовые бесплатные талоны для самых бедных, на социальное обеспечение, на пособия по безработице и инвалидности, старо-

на стр. 14 ►

О состоянии городских служб сегодня рассказывает американский журналист Мэтью БЕРК:

По-прежнему небоскребы будут реять над Нью-Йорком, но они почти опустеют: вода будет подаваться только до четвертого этажа. Ни тебе попить, ни умыть. Фабрики закроются: не будет воды, которая приводит в движение машины и охлаждает их... В ресторанах нечем будет мыть посуду... В гостиницах... Короче, все это пустяки по сравнению с пожарами, которые тушить будет нечем. Манхэттен, Бруклин выгорят дотла.

Это не кадры из фильма ужасов. Это совершенно реальная возможность, которая известна правительству давно.

Но члены правительства, видимо, не считают нужным информировать общественность страны о том, что ни сегодня-завтра может случиться с Нью-Йорком. А именно: в любой момент город может остаться без воды.

Город потребляет полтора миллиарда галлонов воды в день. Летом эта цифра возрастает до двух с половиной миллиардов. Почти вся вода подается из водохранилищ, расположенных на севере штата. Эта вода проходит по двум гигантским тоннелям из бетона, которые находятся глубоко под землей. Тоннели — настоящие подземные реки — устарели и постепенно выходят из строя. Да и что с них взять? Один функционирует уже шестьдесят три года, другой — сорок четыре. Ни тот, ни другой ни разу не обследовали и не ремонтировали. И стоит одному из тоннелей выйти из строя, как в Нью-Йорке разразится катастрофа.

Городские инженеры по водоснабжению уже не раз предупреждали власти о том, что может произойти. Они встречались с членами правительства и детально обсуждали страшные последствия, к которым приведут вышедшие из строя тоннели. Но, несмотря на эти предупреждения, ни администрация города, ни администрация штата, ни правительство до сих пор не предприняли никаких мер для того, чтобы защитить безопасность и жизнь восьми миллионов ньюйоркцев. Хотя выход из положения есть — надо лишь построить третий водоснабжающий тоннель.

Три года назад тогдашний президент Совета по водоснабжению попытался объяснить общественности необходимость скорейшего разрешения проблемы. В марте 1978 года он собрал важнейших бизнесменов города. Тут были представители «Кон Эдисона», Торговой палаты, «Нью-Йорк телефона», Общества по продаже недвижимости, компании «Бруклин Газ». Присутствовали также представители «Профсоюза 147» — профсоюза рабочих строителей тоннеля. Большинство членов этого профсоюза

ЭТО
НЕ КЛЮДЫ
ИЗ ПРИДВЕРЬЯ
УЖАСОВ

остались без работы, и поэтому профсоюз котел воздействовать на власти штата, чтобы строительные работы приостановленные в 1975 году¹, возобновились.

Представителям бизнеса был показан 22-минутный фильм под названием «Город без воды», снятый «Профсоюзом 147». В этой ленте городские инженеры и некоторые представители властей объясняют острую необходимость постройки третьего тоннеля. В фильме принял участие президент Союза пожарников. Он сказал: «У нас уже не хватает запасов воды для того, чтобы гасить городские пожары».

По словам продюсера фильма Пола Дилани, бизнесмены были ошеломлены. Они корчились в своих креслах и спрашивали: «Наужели это правда? Наужели такое может быть на самом деле?» В конце концов они заявили, что показывать фильм широкой публике «преждевременно», ибо «фильм может породить панику у населения». С тех пор никто больше не слышал ни о самом фильме, ни о кампании, направленной на возобновление строительства третьего тоннеля.

Проект этого тоннеля пробыл на чертежной доске двадцать шесть лет; строят его (урывками) уже десять лет. Но, по самым оптимистичным предсказаниям городских властей, понадобится по меньшей мере лет пятнадцать (а скорее всего все двадцать) для того, чтобы оградить город от несчастия. На самом деле, все можно сделать не более чем за семь-восемь лет. Почему же это не делается?

«Недостаточные фонды» — вот ответ, который дают представители правительства. Но в том, что фонды недостаточны, виноваты сами политики: их эгоизм и безответственность. Виноваты также корпорации, в чьих руках находится судьба Нью-Йорка.

«Вы, наверно, слышали о Большой Лжи,— говорит бывший специальный уполномоченный по водоснабжению Симеон Голар.— А это — Большая Правда, только ей никто не поверит. А правда в том, что мы зарываем головы в песок и оставляем решение проблемы горстке людей. Те, в свою очередь, тоже ничего не делают».

Никто ничего не делает. Ведь за воду политические деятели не получают лишних голосов избирателей! Политические лидеры обычно обещают добиться средств на краткосрочные программы. Те, кто держит в своих руках городской кошелек, заинтересованы в первую очередь в проектах, которые можно осуществить за два, максимум три года. Они заинтересованы в том, чтобы скорее увидеть результаты своих капиталовложений и показать эти результаты избирателям. А никому из избирателей пока не

приходило в голову требовать от политиков денег на постройку третьего тоннеля.

Строительство первого участка тоннеля № 3 было санкционировано еще в 1969 году администрацией Линдсея, тогдашнего мэра Нью-Йорка. Работы начались в 1970 году (участок планировали закончить к 1977—1978 году). Но в 1975 году строительство было остановлено — финансовый кризис. Уже было истрачено более 300 миллионов долларов, но все, что могли продемонстрировать к тому моменту, — это огромную дыру в земле. Работы были возобновлены нынешней администрацией Нью-Йорка, которая уже истратила 74 миллиона долларов в 1980 году и планирует израсходовать еще 150 миллионов долларов в 1981-м. Но и этого недостаточно. Даже если продолжать финансировать работы как запланировано, без перебоев, на строительство только первого участка требуется еще лет восемь и 350 миллионов долларов (по курсу 1980 года). Ни один из старых тоннелей нельзя закрыть, пока не будет построен и второй участок. А для этого нужно еще семь лет и 750 миллионов долларов.

До каких же пор политики будут испытывать судьбу? Главным человеком по вопросам водоснабжения теперь является Франсис Х. Макардл. Журнал «Тайм» в декабре 1978 года процитировал Макардла: «Если мы не найдем средств на строительство, то знайте, что мы имеем дело с бомбой, в которой находится часовой механизм». Ныне Макардл уже не помнит о том, что сказал когда-то. Он говорит, что строительство тоннеля № 3 «благоразумно», но настаивает на том, что «риск оттого, что рухнет один из старых тоннелей, невелик». Он говорит, что нет оснований ожидать, что все произойдет «по самому ужасному сценарию» и что разрушение одного из тоннелей так же вероятно, как то, что рухнет один из нью-йоркских мостов.

Макардлу не нравится обсуждать сценарии катастрофы. Управляющий оптимистично уверяет, что при любых критических обстоятельствах «мы справимся» (кто из древних сказал, что оптимизм — одна из форм трусости?).

Макардл и нынешняя администрация Нью-Йорка изображают оптимизм и «финансовый героизм», обещая потратить на строительство тоннеля еще 224 миллиона долларов. А чтобы положить конец публичному обсуждению этого вопроса, они решили упразднить Совет по водоснабжению, который был независимым учреждением, занимающимся планированием, конструированием и постройкой городской системы водоснабжения. Этот совет был создан еще в 1905 году и функционировал как учреждение, которое никому не подчинялось. Совет следил за соблюдением интересов города по вопросам водоснабжения и ограждал эти интересы от тех политических деятелей, которые пытались погреть на этом руки. Теперь же его упразднили «в целях экономии»: на сотрудников совета сэкономили аж шестьдесят пять тысяч долларов — зато теперь некому хватать политиков за руку! Так что давайте мыться впрок, пока есть такая возможность.

¹ Год, когда город Нью-Йорк был объявлен банкротом из-за недостаточности правительственных ассигнований на коммунальные нужды — Примеч. ред.

со стр. 12 ▼

сти и бедности, урежет фонды детских учреждений, здравоохранения, образования, студенческие стипендии, ассигнования на нужды общественного транспорта — в общем, старается свести на нет и без того несовершенные социальные программы, призванные хоть как-то улучшить жизнь людей.

Этот заговор преследует цель свести на нет плоды социальных завоеваний, добытых за пятьдесят лет борьбы кровью, потом и слезами народа.

Давайте возьмем несколько областей жизни в США и СССР и просто сопоставим

Реальные доходы населения в Советском Союзе неуклонно возрастают. В последние пять лет этот рост составил 16 процентов, колхозников — 22 про-

цента. За то же время в США реальные доходы неуклонно сокращались и продолжают сокращаться, снижаются соответственно покупательная способность и уровень жизни населения. На налоги у трудящихся уходит 40 процентов дохода, и они продолжают расти. Корпорации же платят налогов все меньше. Их доля в федеральных доходах упала с 23 до 14 процентов, в 1981 году она составила лишь 12 процентов. По новому плану администрации налоги с корпораций скоро будут составлять лишь 7 процентов федерального бюджета. Такими низкими они еще никогда не были.

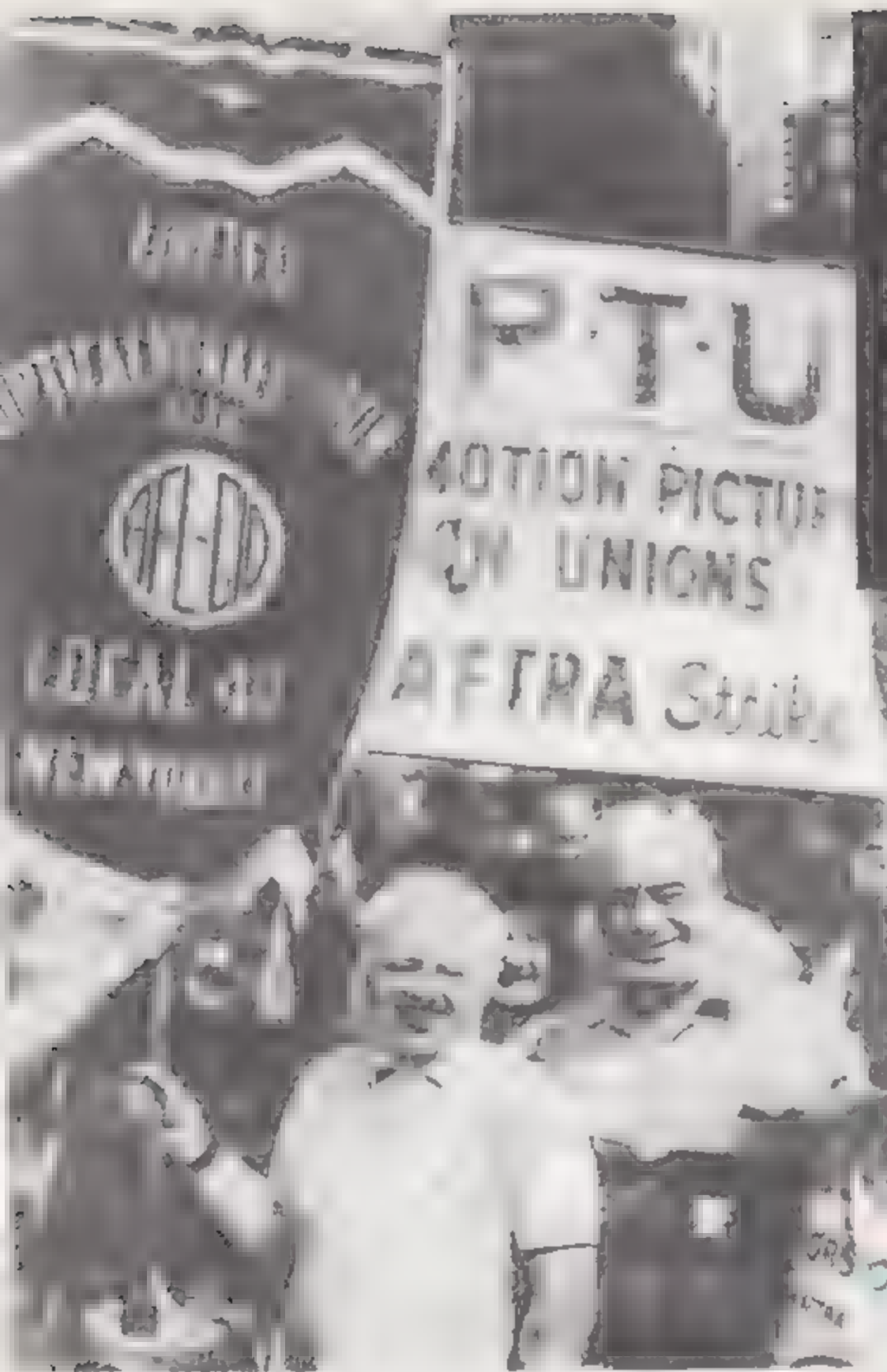
За последнюю пятилетку фонды общественного потребления в Советском Союзе, которые идут на здравоохранение, образование, социальное обес-

печение, культуру и отдых населения, увеличились на одну треть и продолжают расти.

Администрация США урезает фонды во всех этих областях и в дальнейшем планирует еще большие сокращения, а то и полную ликвидацию некоторых социальных программ. Для миллионов престарелых американцев весь обед или ужин состоит из тарелки консервированного супа.

В Советском Союзе детям стараются дать самое лучшее, так и говорят, что если в стране и есть привилегированная прослойка, то это дети. Поэтому фонды, из которых отпускают дотации на одежду и питание, на профилактику, лечение, на спорт и отдых детей, на строительство школ и дворцов культуры, постоянно растут огромными

на стр. 16 ►

Программа администрации США на 1986 год предусматривает:
СОКРАЩЕНИЕ субсидий в области культуры и искусства на 125 МИЛЛИОНОВ долларов.

Федеральное правительство — участник грантов на искусствоведческие исследования. Если наши министерство обороны израсходовало на содержание военных оркестров 14 миллионов долларов, то в 1986 году их музыкальный бюджет Национального фонда искусства составил за тот же период всего 4,5 миллиона долларов.

Энн МЭРОН, директор-распорядитель Американской лиги искусств

«НА ЧЬЮ ПОМОЩЬ ЕМУ РАССЧИТЫВАТЬ?»

О государственной поддержке искусства сегодня рассказывает американская журналистка Зита АЛЛЕН:

Это был обычный рекламный фотомонтаж — объявление о начале нового сезона в Американском театре балета Алвина Эйли: на заднем фоне лицо Эйли, на переднем плане — группа танцоров со вздытыми вверх, умоляющими руками. Обычный рекламный фотомонтаж, но он оказался пророческим: впервые Эйли оказался на заднем фоне, впервые за двадцать два года существования театра его создатель и руководитель не присутствовал на премьере. Алвин Эйли был в это время в лечебнице.

Причиной тому были два события, которые, конечно же, стали достоянием газет. В марте 1980 года журнал «Тайм» поместил материал под заголовком «Алвин Эйли находится под надзором после скандала». В полицейском протоколе было записано, что

Эйли «предъявлено обвинение в нарушении спокойствия, буйном поведении, оказании сопротивления при аресте». Представитель департамента полиции заявил, однако, что эти обвинения с мистера Эйли можно снять, так как «он находился в смятенном состоянии духа». Несколькоими неделями позже газета «Пост» сообщила: «Алвин Эйли вновь впал в ярость». Сообщались всяческие зловещие подробности.

По городу поползли слухи из «достоверных источников». Но, как бы нелепы они ни были, в них все же проскальзывала правда: работа до седьмого пота, до полного изнурения и постоянная неуверенность в будущем.

Чем глубже вы проникаете в мир Эйли, тем лучше понимаете, что детали отдельных трудностей, которые он мог испытывать, мало что значат и никого не должны касаться. Но досужая

болтовня — это еще не самое противное; это всего лишь обычный печальный спектакль, в котором толпа добивает низвергнутого кумира. Есть одно обстоятельство, которое задевает куда больнее: все спешат усмотреть причину срыва Эйли либо в каком-то внутреннем изъяне его характера, либо в колоссальной перегрузке. И едва ли кто удосуживается взглянуть на проблему в целом. А ведь его история — это рассказ о бессрочном экономическом кризисе, который терпит одна из наиболее популярных артистических трупп в стране, — это история о финансовом бедствии, которое терпит в Америке целая армия людей искусства. Это трагедия сына бездомных сборщиков хлопка, который уверовал в Американскую Мечту, а в действительности обнаружил в мире искусства тот же самый расизм, что он наблюдал всюду

Это история того, как любой чернокожий в стране вынужден сражаться против американского расизма, возведенного в ранг государственной политики. Вместо того чтобы злословить, попытаемся выяснить причины того, почему после двадцати с лишним лет существования своего театра Эйли все еще чувствует, что, говоря его словами, «наши достижения неустанно пытаются поставить под сомнение, нам приходится постоянно доказывать — опять и опять — всем властям, что мы имеем право на существование и что мы чего-нибудь да стоим». Давайте скажем себе честно: чернокожих до сих пор пытаются не допускать в «серьезный» танцевальный мир. И давайте подумаем о человеке, которому хватило характера, жизнестойкости и способностей превратить мечту в настоящий театр, предприятие с четырехмиллионным бюджетом, и все еще сомневающимся в завтрашнем дне.

Дело Эйли было отнюдь не простым — ведь он не только создал наш ведущий ансамбль современного танца, он создал — и как хореограф, да и как человек — труппу, которая более других свидетельствует о том, что клеймо «Made in USA» можно ставить не только на джинсах. Причем, как заметил один из руководителей театра, Гарольд Янгблад, Эйли сделал это без всякой помощи со стороны богатого покровителя. «Марте Грэхем покровительствовало семейство Ротшильдов, Баланчина тоже поддерживали меценаты. Ну а на чью помощь мог рассчитывать Алвин?»¹

В ответ мы можем сказать лишь, что свои деньги театр Эйли зарабатывал сам, своим тяжелым трудом. Государство ему почти совсем не помогало, не говоря уж о частных фондах. Именно благодаря своей популярности у публики труппа Эйли сумела перебраться из помещения, вмещавшего лишь 300 зрителей, в залы, в десять раз больше по размеру.

Вот что говорит по поводу «дилеммы Эйли» хореограф Род Роджерс: «Не-

¹ Марта Грэхем, Джордж Баланчин — известные американские хореографы. — Примеч. ред.

смотря на все восхищенные отзывы, такие артисты, как мы, низшего сорта, мы вынуждены работать в недружественной и даже неприязненной атмосфере... Мы добиваемся успеха не благодаря, а именно вопреки социальным установкам этой страны, мы постоянно вынуждены пробиваться вверх по течению. И конца не видно».

Когда я брала интервью у Эйли два года назад, было заметно, что и он ясно представляет себе: конца не видно. Нет, он не собирался сдаваться, но затянувшаяся на долгие годы схватка с обстоятельствами научила его быть предельно осторожным. Тогда, незадолго до нашего разговора, театр Алвина Эйли отпраздновал свое двадцатилетие. Позади было трудное начало, потом кошмарные 60-е, когда труппа находилась то в состоянии благоденствия, то на грани нищеты, то наслаждалась всеми благами, которые выпадали на долю культурных посланников Америки во время очень успешных гастролей по Европе, Азии, Африке, Советскому Союзу, то возвращалась домой и оказывалась на грани банкротства. Финансовые дела шли настолько плохо, что дважды театр вынуждены были закрывать. Но в 1971 году труппа получила единственную за всю историю существования дотацию от нью-йоркского городского совета по искусству — 100 тысяч долларов. Театр обосновался в респектабельном «Сити Центре». Лучшие нью-йоркские залы неоднократно предоставляли труппе свои площадки. Американский театр балета Алвина Эйли превратился в важнейший культурный институт. Казалось, Эйли и его труппа добились своего: успех был и национальным и международным. Но благополучие было обманчиво. И Алвин Эйли был настороже. «Мы, пожалуй, единственная черная труппа, которая может платить своим танцорам достаточно, чтобы они ни в чем особенно не нуждались. Но у меня постоянное ощущение, что это временно и в любой момент что-то может случиться». Алвин говорил о чувстве собственного достоинства и самоуважении, которое появилось у его артистов после гастролей за границей. «Мы превратились в иных — гордых — людей».

Почти в то же время я брала интервью у известной негритянской танцовщицы Катрин Данэм. Она говорила о том же: «Чувство уважения к собственному таланту и интеллекту — вот чего труднее всего добиться чернокожему артисту у американской публики». Взятые вместе, эти рассуждения являются уже обвинительным документом. Оба — и Эйли и Данэм — взяли на себя роль «черных хореографов» с истинно миссионерским рвением. Данэм хотела «отрясти с нашего танца всю мишуру и превратить его в гордое искусство». Эйли желал «облагородить материал». Данэм всегда переживала, что белая критика редко когда относилась к ее работе со всей серьезностью: «Когда я изучаю критические подборки, то вижу, что они не говорят ни о чем другом, кроме того, что в танце я была «страстной», и от этого становится больно». Эйли всегда возмущался тем, что для многих критиков «все черное в искусстве значит коммерческое в самом худшем смысле». Когда я спросила Данэм, изменилось ли что-либо с тех пор, как сорок лет назад она начала свою карьеру, она ответила: «Так мало, что об этом не стоит и говорить» — и добавила, что вся разница в том, что сорок лет назад существовала лишь одна труппа, в которой в основном были заняты черные танцоры, а именно ее; сегодня же существует еще одна — Алвина Эйли.

Но ситуация, в которую попал Эйли, не только лишней раз напоминает, каково быть черным в белой Америке. История Эйли еще одно доказательство судьбы всех артистических организаций в нашей стране, она еще одна иллюстрация того давления, которое приходится испытывать любому американскому артисту при попытке выбиться, а выбившись — выжить. Вот о чем могла говорить та реклама в газетах, на которой неясно вырисовывалось лицо Эйли. И на переднем плане были изображены не просто танцоры, а артисты, которым всегда лишь сулят кусочек от пирога благоденствия. Гордость Америки, которой в Америке иногда даже нечего есть. Так что «дилемма Эйли» и его судьба — это судьба всех людей искусства в этой стране.

со стр. 14 ▼

тематиками. Планируется в будущем сделать еще больше. Президент Соединенных Штатов предлагает сделать детей самой неприемлемой частью населения — срезать фонды во всех областях, которые имеют отношение к детям, их потребностям, нормальному росту и благополучию, включая школы, питание, группы продленного дня, бесплатные горячие завтраки, больницы, общее и специальное образование. Вот один небольшой пример. Чтобы за один год искоренить в стране такие детские болезни, как коклюш и корь, требуется всего шесть

миллионов долларов. Администрация Рейгана предложила выкинуть эти шесть миллионов из бюджета, и сенат проголосовал за это предложение.

В СССР обязательное среднее образование. В США закрывают школы и увольняют учителей. В СССР высшее и профессионально-техническое образование открыто для всех. В США складывается такое положение, что человеку из необеспеченной семьи дорога к высшему образованию практически закрыта. В Советском Союзе за пять лет выпускают десять миллионов специалистов, и всем им гарантирована работа. В Соединенных Штатах из-за

высоких цен за обучение и жилье контингент студентов сокращается, а у выпускников нет никакой уверенности, что они найдут работу.

Обратимся к жилищному вопросу. В Советском Союзе нет трущоб. Более 80 процентов населения живет в отдельных квартирах или собственных домах. К концу 1986 года отдельная квартира будет у каждой семьи. За последние пять лет новоселье справили 50 миллионов человек.

И все это в стране, которая построила свой основной жилой фонд за шестьдесят лет и должна была восстанавливать жилища, разрушенные во вре-

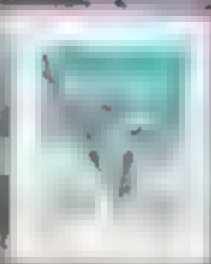
на стр. 19 ►

Программа администрации США на 1986 год предусматривает:
Сокращение расходов по линии Агентства охраны природы (на строительство водоочистных сооружений) на более чем 5 МИЛ-
ЛИАРДОВ долларов.

Предполагается сокращение также отразится на природоохранной службе береговой полосы, на защите дикой фауны и водных ресурсов. В Вашингтоне также намерены пересмотреть возможные ограничения на промышленное загрязнение окружающей среды.

ТАСС

КАК ОТРАВЛЯЮТ АМЕРИКУ

О загрязнении окружающей среды сегодня рассказывает американский журналист Майкл Х. БРАУН:

Красив город Ниагара-Фолс необычайно. Недалеко от города — он находится между озерами Эри и Онтарио — течет великолепная река, она расширяется и дальше, покрываясь барашками, превращается в знаменитый Ниагарский водопад. Сюда приезжают многочисленные новобранцы и туристы. Для промышленных предприятий, которых полным-полно на ее берегах, река — дешевый источник электроэнергии. В воздухе витает запах хлора. Многие жители Ниагара-Фолс работают на химических предприятиях. Самое большое из них принадлежит «Хукер кемикл компании».

Тимоти Шродер был техником-бетонщиком и к химическим предприятиям отношения не имел. Тим и его жена Карен жили в доме № 460 на 99-й улице. Они копили деньги, мечтали переделать интерьер дома и пристроить крытый внутренний дворик. Одним из самых ценных приобретений Шродеров был фибергласовый бассейн, вкопанный в землю и огороженный деревянным забором.

Как-то в октябре 1974 года Карен выглянула из окна и увидела, что бассейн примерно на полтора метра вылез из земли. Тогда она еще не знала, что это предвестник катастрофы, которая обрушится не только на их семью, но и на весь город. Миссис Шродер считала, что это произошло из-за небывалого притока подпочвенных вод. Прямо за их домом проходил заброшенный гидроканал, который был засорен промышленными отходами, а тут еще шли сильные дожди — вот бассейн и поднялся. Шродеры решили не трогать бассейн до следующего лета, а тогда уж выкопать его и укрепить стенки ямы цементом. Когда бассейн вынули, яма моментально наполнилась жидкостью, которую Карен назвала «химической водой»: желто-коричнево-голубая вонючая жидкость. Она

смешалась с подпочвенными водами, затопила весь двор и так разъела деревянные столбы забора, что он в один прекрасный день рухнул. С установлением сухой погоды «химическая вода» ушла, но вся растительность во дворе погибла.

Откуда взялись химические вещества, не было тайной. В конце 30-х — начале 40-х годов «Хукер компани», производившая среди прочей продукции пестициды, пластификаторы и каустическую соду, стала использовать гидроканал как свалку для своих отходов — по 20 тысяч тонн в год.

Знали об этом еще родители Карен Шродер. В 1959 году ее мать Эйлин Вурхис заметила странную черную грязь, сочившуюся сквозь стены подвала. С этого дня она и ее муж начали бороться с грязью — ничего не помогало, химические запахи пропитали весь дом. Вурхисам пришлось смириться с этим. Вонючие химические пары — неотъемлемая часть жизни города Ниагара-Фолс.

21 ноября 1968 года Карен Шродер родила третьего ребенка — девочку, которую назвали Шери. Но радости это событие не принесло: носом Шери дышать не могла, страдала частичной глухотой, у нее была волчья пасть и деформированные ушные раковины. Вскоре стало понятно, что Шери умственно отсталый ребенок. Шродеры не связывали состояние Шери с химическими отходами.

В те годы лишь немногие обитатели района понимали, что и канал, и огромное поле за их домами было свалкой, где закапывали токсичные отходы. Тогда я работал репортером местной «Ниагара газетт» и внимательно следил за тем, о чем рассказывали семьи, проживавшие у канала. А отдел здравоохранения округа Ниагара и городские власти все твердили, что для «здоровья граждан опасности нет». Представители «Хукер компани» заявляли, что о захоронении токсичных отходов у них документов не имеется и их это вообще не касается. «Хукер» напустила такого тумана, что все были уверены: не трогай отходы, и ничего не случится. А если тронешь — ну, будет раздражение на коже.

В 1953 году городской отдел образования хотел построить школу и обратился к «Хукер компани» с просьбой о земле. Вице-президент компании ответил: «Мы хорошо понимаем необходимость строительства новых начальных школ и считаем, что участки должны быть тщательно отобраны. Компания готова передать отделу образования участок земли между Бульваром Колвин и Фронтир авеню».

«Хукер» продала землю отделу образования за символическую плату в один доллар. В документе о продаже земельного участка был параграф: «Компания не несет ответственности за несчастные случаи на этом участке». Так «Хукер компани» удалось избавиться от захламленной земли.

Школа и спортплощадка были по-

строены. И молодые семьи начали селиться вокруг свалки — им сказали, что на поле будет парк и площадка для игр. Детям площадка для игр понравилась, но иногда у них слезились глаза, они чихали. Отходы продолжали сваливать в канал, а дети купались в нем. Компания «Хукер» об этом знала. В 1958 году трое детей получили ожоги после купания.

Власти говорили, что они планируют меры, которые остановят распространение ядовитых отходов. Но меры эти так и не были приняты: городские власти, «Хукер» и отдел образования никак не могли договориться, кто будет платить. Главный инженер муниципалитета заявлял, что канал не представляет серьезной опасности: «Просто это некрасиво». Начальник отдела здравоохранения разделял его мнение.

В начале 1978 года район между 97-й и 99-й улицами превратился в болото, наполненное жидкой ядовитой грязью. Двор Шродеров, красоту которого когда-то описывала местная газета, стал непроходимым. Но уехать Шродеры не могли. Кто бы купил их дом? К тому же они еще не выплатили за него все деньги. И чета Шродеров с четырьмя детьми продолжала жить среди этой ядовитой грязи.

Нежелание идти на большие расходы не единственная причина, почему городские власти не торопились помогать Шродерам и еще сотне семей, чьи участки граничили с каналом: нельзя было создавать трудности для «Хукер компани».

Городское начальство сохраняло хорошую мину при плохой игре, но понимало, какую опасность представляли отходы. И только весной 1978 года Управление охраны окружающей среды США взяло пробы в подвалах домов на 97-й и 99-й улицах.

Прошло три месяца, прежде чем я узнал результаты обследования. Положение было весьма серьезным: пробы воздуха показали, что в нем содержится бензол. Если человек долго подвергается его воздействию, появляются головные боли, усталость, потеря веса, кровотечения из носа, заболевание костного мозга. Жителям города о бензоле ничего не сообщили. Городские власти решили скрыть результаты проб, пока не будет решено, как лучше объявить о них. Доктор Клиффорд, руководитель отдела здравоохранения округа, казалось, о содержании бензола в воздухе не беспокоился. Он сказал мне: «Нет причин считать, что жителям угрожает опасность...». Насколько нам известно, федеральные нормы содержания бензола в воздухе раз в шесть больше... Химические вещества в воздухе, — добавил он, — не более вредны, чем две сигареты в день».

Для очистки совести, наверное, сотрудник отдела здравоохранения зашел в начальную школу на 99-й улице: посещаемость нормальная, значит, со здоровьем у детей все в порядке. Именно поэтому я провал свое собственное обследование на южном кон-

це 99-й улицы. Я встретился с шестью жителями этой улицы. До встречи я попросил их составить список заболеваний, которыми страдали их соседи.

Список потряс меня. Совершенно здоровые люди, переехав сюда, начинали страдать воспалением среднего уха, нервными расстройствами, сыпями и головными болями. Молодой Джеймс Гиззарелли не работал четыре месяца — что-то с дыхательными путями. Его жену мучили припадки, похожие на эпилепсию, — врач ничего не мог понять. Многие женщины заболевали раком, участились случаи потери слуха. На 97-й и 99-й улицах висели знаки для водителей: «Осторожно, у дороги играют глухие дети».

Свежая краска слезала с домов. Страдали домашние животные: они гуляли ближе всех к каналу. Вылезала шерсть, трескалась кожа, у совсем молодых животных образовывались внутренние опухоли.

Факты накапливались: почти все сто семей, проживавшие у канала, а может быть и другие тоже, подвергались опасности. Они постоянно дышали ядовитыми химическими веществами, когда смотрели телевизор, копались в саду, стирали, спали. Они страдали сильнее, чем рабочие химических производств: у них не было респираторов и защитных очков, они все время дышали ядом. Они не могли просто открыть дверь и убежать. Сто семей были в отчаянии.

Но власти считали их всех ипохондриками. Тимоти Шродер вышел во двор и покачал головой. «Ни черта они нам не помогут, — сказал он и швырнул камень в лужу, покрытую голубой маслянистой пленкой, — жди-дождись». Шери нуждалась в интенсивном лечении, и отец боялся, что придет время, когда оно будет ему не по карману. Тим крупный мужчина с брюшком. Когда мы встретились в первый раз, он показался мне веселым, дружелюбным и спокойным человеком. Сейчас он стал другим: нервным, озлобленным. Шродеры обращались во все правительственные учреждения — им никто не помог.

Учреждения округа бездействовали. В мае 1978 года власти штата объявили, что они сами проведут медицинское обследование жителей южной части 97-й и 99-й улиц.

Стали известны дополнительные факты, которые потрясли весь квартал: кроме бензола, были обнаружены 80 химических веществ, 10 из них — канцероганы¹, 14 поражают мозг и центральную нервную систему, вызывают головные боли, припадки, выпадение волос, анемию, сыпь. Никто не знал, какие еще болезни могут вызвать смеси этих веществ.

Хуже всех пришлось Эдвину и Эйлин Вурхис. Биохимик взял пробу воздуха в подвале их дома: оказалось, что без

¹ Вещества, вызывающие злокачественные опухоли. — Примеч. ред.

риска для здоровья там можно дышать не более двух минут. Токсичность воздуха в подвале в тысячи раз превышает допустимые нормы: шансов заболеть раком у них больше, чем у других. Дом, который они построили, превратился в душегубку.

Я позвонил инженеру Роберту Мэтьюзу, которому было поручено следить за развитием событий. «Начнется ли в ближайшем будущем выполнение программы очистки, о которой говорят уже целый год?» — «Нет, не начнется». — «Кто будет финансировать эту программу?» — «Неизвестно». — «Можно ли переселить мистера и миссис Вурхис?» — «Очевидно, нет — это может вызвать панику».

14 июля 1978 года мне позвонили из отдела здравоохранения штата и сообщили страшные факты. Были изучены медицинские анкеты, которые раздали местным жителям: у женщин из южной части города рождалось много больных детей.

Эти данные, а также истории болезней наконец привели в действие бюрократическую машину. 2 августа начальник отдела здравоохранения штата доктор Роберт Уэйлен призвал беременных женщин и семьи с детьми младше двух лет немедленно покинуть эту часть города. Он сказал, что канал представляет непосредственную опасность здоровью жителей города».

Людей охватили гнев и паника. Уэйлен ничего не сказал о том, будет ли эвакуация финансироваться властями. Его слова были всего-навсего рекомендацией, семьям предлагалось самим решать: остаться и подвергаться опасности свое здоровье или уехать и бросить дома, в которые вложены большие деньги и труд.

История с каналом привлекла внимание средств массовой информации Америки. Было объявлено, что губернатор штата обратится к жителям города с речью в здании начальной

школы на 99-й улице 7 августа. Губернатор не скупился на обещания: штат оценит дома в этом районе и купит их, а также оплатит расходы по перевозу и проживанию в гостиницах, пока жители найдут себе новые дома.

По соседству с «официальной» зоной заражения проживало еще 500 семей. Их здоровье тоже подвергалось опасности, но власти штата заявили, что до них очередь еще не дошла. Им штат помогать в перевозе не будет.

11 августа 1978 года я взял пробы почвы на 100-й и 101-й улицах. Исследование показало, что в них содержится вещество, в лабораторных условиях вызывающее у животных рак.

4 октября умер мальчик Джон Эллен Кенни. Он жил далеко к северу от зоны эвакуации. Отказал орган, который часто поражают ядовитые вещества, — почки. Родители предполагали, что яд принес ручей, протекавший за домом. Власти штата изучили результаты вскрытия мальчика и не смогли прийти ни к какому выводу. Родители охарактеризовали расследование как «поверхностное и неудовлетворительное». Мать сказала: «Он все время возился в ручье».

Власти штата предложили временно эвакуироваться из районов, примыкающих к зоне заражения вплоть до 103-й улицы, семьям с детьми младше двух лет. Но дома штат покупать не будет, эвакуированные должны вернуться, когда их детям исполнится два года.

Двадцать три семьи согласились принять это предложение. Еще семь семей, в которых не было малолетних детей, уехали сами (у них были на это деньги. Правда, им пришлось бросить дома, а это большой убыток).

После эвакуации жителей 97-й и 99-й улиц я подумал: а вдруг «Хукер компани» сбрасывала в канал отходы производства дефолианта «Эйджент Орэндж», который применялся во Вьетнаме? Этот гербицид содержит

диоксин. Некоторые эксперты считают, что 80—85 граммов этого вещества могут убить больше миллиона человек.

О применении гербицидов во Вьетнаме (и среди них «Эйджент Орэндж») писал в журнале «Нью-Йоркер» Томас Уайтсайд. Я позвонил ему, чтобы получить квалифицированную справку. «Весьма вероятно, что там есть диоксин», — сказал он.

10 ноября я позвонил в «Хукер компани». Вице-президент компании подошел к телефону и спокойным голосом ответил мне, что они на самом деле сбросили 200 тонн подобных отходов в канал.

Я сразу же позвонил Уайтсайду: по его подсчетам в канале находилось столько диоксина, сколько его было в тысячах тонн «Эйджент Орэнджа». Канал оказался не просто свалкой весьма опасных растворителей и пестицидов — он превратился в хранилище самого ядовитого вещества, когда-либо синтезированного человеком.

Власти штата своего решения не изменили: больше никаких эвакуаций. На следующей неделе на 97-й и 99-й улицах произошли несколько инцидентов: на здании школы вывесили лозунги протеста. Близилось рождество, и елка была украшена надписью из электрических лампочек: «Диоксин».

Люди скандировали лозунги и ругались на встречах с представителями властей штата, плакали по телефону, сожгли чучело начальника отдела здравоохранения, принесли в столицу штата самодельный детский гроб, грозили взять заложников, отправляли письма и телеграммы в Белый дом, устраивали дни траура и ночи молений. Но «хэппи энда» не видно. Пока ясно, что федеральные власти делать ничего не собираются, а власти штата считают, что сделали больше, чем могли. Муниципалитет промолчал. Молчит и до сих пор.

со стр. 16 ▼

мья второй мировой войны. Чтобы возместить такие потери жилища, нашей промышленности понадобилось бы сорок лет работы на пределе возможностей. Куда ни посмотришь в Советском Союзе, всюду строятся новые дома и краны. Таков живой горизонт страны социализма. Динамичная, жизнеутверждающая картина.

Квартплата в СССР составляет 2—3 процента дохода, а у нас из-за инфляции и рвачества домовладельцев миллионы людей платят за жилье пятьдесят и более процентов зарплаты. Плата за отопление поднялась настолько, что прошлой зимой впервые люди были вынуждены в буквальном смысле слова бросать свои дома. Все мы слышали про сибирские холода. Но в Сибири никто не замерзает до смерти. Вы бы видели прекрасные, удобные, современные города с центральным

отоплением, построенные на вечной мерзлоте... А в городах вроде Нью-Йорка прошлой зимой находили очеченные трупы в неотапливаемых квартирах.

В СССР с огромным энтузиазмом относятся к изобретениям, новшествам в науке и технике, которые делают труд проще, а жизнь радостней. При социализме люди пользуются всеми выгодами, которые дает новая техника. Все больше и больше средств выделяется на научные исследования. Современные компьютеры, развитие электроники и автоматики призваны компенсировать недостаток рабочих рук и освободить человека от наиболее тяжелой работы.

В США научно-техническая революция принесла с собой страх, что тебя могут заменить роботом или компьютером. В Советском Союзе новая техника — благословение для всех, средство роста благосостояния и отдыха

всего народа, помощник, который облегчает работу и улучшает жизнь.

При капитализме те же самые открытия приводят к понижению уровня жизни, к большему числу происшествий и травм на производстве и даже к потере средств к существованию. Технический прогресс висит постоянной угрозой над головами рабочих, выжымая из них последние соки ради сверхприбылей монополий.

В США медицинское обслуживание большинству практически не по карману. Больницы закрываются. Во многих районах один врач приходится на 35 тысяч человек. Медицинское образование доступно лишь для очень богатых. О профилактике у нас и речи не идет, ассигнования на здравоохранение срезаются, лекарства и лечение больно бьют по карману рабочего человека.

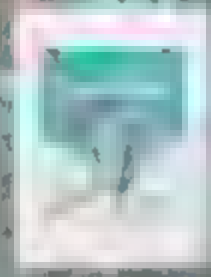
Иная картина в Советском Союзе. Медицинское обслуживание составля-

на стр. 22 ►

Программа предусматривает:
УВЕЛИЧЕНИЕ
МИЛИАРДОВ долларов.

«При бюджетном кризисе...
...фактически становится...
...может стать колоссальным».

Ю. С. ныне изд. Уряд риперти

КОРПОРАЦИЯ ПЕНТАГОН

На что не жалеют миллиардов сегодня, рассказывает американский журналист Фрэнк РОУЗ:

«У меня необычная работа, — сказал сержант Налл. — Нипочем не догадаешься, кто в следующую минуту войдет в эту дверь». Он указал на вход в экскурсионное бюро Пентагона и перечислил некоторых его посетителей. Группа — одиннадцать военных чинов из Китайской Народной Республики. Рядовые туристы. Американские военнослужащие, горящие желанием взглянуть на свой главный штаб. Участники антивоенной демонстрации, прихватившие с собой пузырьки с сосками для кормления младенцев. Пузырьки были наполнены кровью...

В этот день сержант технической службы ВВС, ветеран войны во Вьетна-

ме, а ныне завбюро экскурсий по Пентагону Эд Налл принимал младшую бойскаутскую группу № 698 из города Бэрке, штат Виргиния, сопровождаемую пятью воспитательницами во главе с женой морского офицера, работающего в Пентагоне. За скаутами нужен глаз да глаз. Они чуть не опрокинули в вестибюле макет пусковой установки ракеты MX¹. Сержант с помощью воспитательниц быстро загнал их в небольшой кинозал и выключил свет.

¹ Стратегическая ракета с ядерным зарядом (читается «эмикс»), которую Пентагон собирается взять на вооружение в ближайшие годы. На ее разработку и развертывание планируется истратить более 50 миллиардов долларов. Подробнее — в «Равеснике» № 1 за 1981 год — Здесь и далее примеч ред

На экране замелькали кадры фильма, дающего исчерпывающие сведения о Пентагоне: начали его строить в 1941 году, а до этого военные ведомства были разбросаны по всему Вашингтону, и уже через шестнадцать месяцев закончили; строительство обошлось всего в 83 миллиона долларов, здание оснащено восьмьюдесятью пятью тысячами источников электро света и шестьюстами восьмьюдесятью пятью водопроводными кранами; служит оно штабом «по координации усилий, необходимых для защиты нашей страны и образа жизни». Наконец зажегся свет, и сержант Налл повел группу на экскурсию.

Сначала по коридору главнокомандующего, длинному и широкому, украшенному портретами президентов. Затем скауты осмотрели коллекцию живописи, принадлежащую воен-

получили в свое распоряжение самое большое в мире здание, в котором могли бы уместиться пять Капитолиев¹. По иронии судьбы часть стены, отгораживавшей Пентагон от Арлингтонского кладбища, впоследствии была снесена, и разросшееся кладбище подступило ко входу в военное министерство.

Глава Пентагона — министр обороны возглавляет крупнейшую в США бюрократическую машину: три миллиона служащих, две трети из них в военной форме, с бюджетом в 139 миллиардов долларов в 1980 году². Двадцать пять тысяч человек работают непосредственно в Пентагоне. Во время второй мировой войны поговаривали, что здание Пентагона с возвратом к мирной жизни будет превращено в архив или больницу. Но эти слухи были похоронены в 1947 году законом о национальной безопасности.

Водоразделом в истории Пентагона следует, несомненно, считать 1961 год, когда министром стал Роберт Макнамара, занимавший до того пост президента компании «Форд моторс». Конечно, и до него Пентагон возглавляли ставленники большого бизнеса: так, во времена президента Эйзенхауэра министром обороны стал президент «Дженерал моторс» Чарльз Уилсон (это ему принадлежит незабываемое высказывание: «Что хорошо для «Дженерал моторс», то хорошо и для страны»); его сменил президент «Проктер энд Гэмбл» Нейл Макэлрой. Но именно Макнамара включил в штат Пентагона команду специалистов из мира бизнеса, которые революционизировали процедуру выколачивания средств на нужды военного ведомства.

Вся жизнь Пентагона протекает в постоянной озабоченности возможным ядерным конфликтом, проблемами ведения тотальной войны. Атомная бомба дала технологическое решение, причем проникнутое истинно американским подходом к делу. В этом решении, подобно тому как в хлопковом джине, телефоне и самоочищающейся кухонной плите, заложена идея экономичности. В данном случае — экономичного средства тотального уничтожения.

Для Пентагона мир состоит из полярных противоположностей: Соединенные Штаты и Советский Союз, «свободный мир» и «коммунистический блок». Для сомнений места нет. Вот почему 70-е годы — годы укрепления разрядки — были для Пентагона временем смутным.

Это учреждение битком набито полковниками и генералами, воевавшими во Вьетнаме, которые и сейчас твердят, что все дело в том, как велась эта война. Военным, говорят они, не дали довести дело до конца, а надо было стереть Вьетнам с лица земли. Штат-

¹ Здание, в котором заседает конгресс США.

² Бюджет Пентагона на 1981 год достигает 180,7 миллиарда долларов, а в будущем году его планируют довести до 226,3 миллиарда.

ские заварили кашу, а вину за проигрыш свалили на военных. Это непроходящее озлобление и раздраженность — вряд ли здоровые эмоции для военного заведения калибра Пентагона. А уж что до разрядки, то всякий в Пентагоне вам скажет, что она в этих стенах и не ночевала.

Что бы ни случилось в мире, Пентагону выгода: больше денег. Военный бюджет вручается на рассмотрение конгрессу в конце января, после чего начинается период напряженных закулисных переговоров, обычно затягивающихся на месяцы. Поток генералов, адмиралов и высших чиновников между Пентагоном и Холмом (то есть Капитолием. — Примеч. пер.) в это время так густеет, что вводятся маршрутные такси. Военные обслуживают конгрессменов, которые занимают ключевые посты, позволяющие пробивать дополнительные ассигнования. Иные из этих законодателей оказываются такими охочими до орудий, танков и «решительных действий», что у них на этой почве даже возникают противоречия с осторожными бюрократами и кабинетными генералами Пентагона.

Вообще в Пентагоне все знают: продвигается наверх не тот, кто умеет вести за собой подчиненных, а тот, кто без рассуждений исполняет приказы. Одни приписывают эту житейскую мудрость Макнамаре как апостолу искусства управления, другие вспоминают генерала Джорджа Маршалла, который избрал в качестве организационной модели для Пентагона промышленную корпорацию. Во всяком случае, бюрократия Пентагона представляет собой ныне любопытный сплав военных и бизнесменов.

Самым тяжким преступлением в Пентагоне считается непослушание. Смелость не поощряется. Ибо здесь на карту поставлены не жизни, а карьеры. Рисковать же собственной карьерой ради интересов страны здесь пока не в обычае. Вспомните хотя бы историю высокого чина ВВС Эрнеста Фицджеральда, который был уволен за то, что поднял скандал по поводу непомерно-го перерасхода государственных средств на транспортный самолет «Гэлэкси», заказанный у фирмы «Локхид»¹. Фицджеральд добился через суд восстановления в должности, но то была обманчивая победа. У него снова есть кабинет, должность и зарплата, но ему абсолютно нечем себя занять, ему не поручают никакой работы. Остальные извлекают урок из таких примеров и ведут себя как надо. К таким Пентагон оборачивается своими лучезарными достоинствами: теплое, надежное, доходное место.

В штате Пентагона есть должность начальника службы физической безопасности. В обязанности этой службы входит оформление пропусков, установка ультразвуковых детекторов и другого охранного оборудования,

¹ Этот случай описан в «Ровеснике» № 12 за 1978 год.

но-воздушным силам. Сержант обратил их внимание на портрет первой американской женщины, совершившей полет на самолете со сверхзвуковой скоростью. Затем пошли другие коридоры.

Сумасшедшая причуда Коммеруэлла. Так говорили о Пентагоне, когда он строился. Всеми работами руководил начальник снабжения сухопутных войск генерал Брахон Коммеруэлл. Он собирался возвести свое детище в пятиугольном пространстве между Арлингтонским кладбищем и рекой Потомак, но президент Рузвельт задвинул стройплощадку подальше — на заболоченные пустыри, где ютился не то поселок, не то хутор из полусгнивших лачуг по прозвищу Адовое дно.

Строительство на Адовом дне велось в лихорадочном темпе, ведь в Европе шла война. Переделывать проект было некогда, и 15 января 1943 года военные

обеспечение безопасности особо важных лиц, а также охрана здания от демонстрантов. У начальника службы работы хватает. Однажды выдался такой день, когда в девять утра он встречал вице-премьера Китая, а три часа спустя «Мисс Америку». Церемониал для гостя в ранге вице-премьера — это давно обкатанное представление продолжительностью в пятнадцать минут. Утром того дня к подъезду фасада, который выходит на реку, подружила вереница лимузинов. Вице-премьер Гэнь Бяо прибыл в сопровождении такого количества военных в зеленой форме, что все живописное зрелище очень смахивало на китайский «революционный» балет. Прогрел салют из девятнадцати залпов, затем были барабанная дробь и туш в исполнении оркестра морской пехоты, прозвучали национальные гимны. Все совершилось в таком стремительном темпе, что у Гэня навряд ли было время заметить на стене надписи, сделанные участниками антивоенной демонстрации: «Атомную бомбу — на Пентагон!» и «Будущего нет».

Один офицер в разговоре со мной определил главную задачу Пентагона как «осуществления контроля над смертоносной силой». Меня эти слова заинтриговали. Почему? Подразумевается, что смертоносная сила сама по себе обладает движущим импульсом,

и именно Пентагон призван держать ее в узде. Таким образом, предназначение Пентагона в том, чтобы управлять этой универсальной силой в интересах объединения корпораций, известного под названием Соединенные Штаты Америки. Задача эта весьма трудная, как и указывается в киноролике для туристов. Она означает, что смертоносной силой надо поигрывать, стараясь не выронить ее из рук. Подносить ее время от времени к открытому окну, не давая ей улетать. Весьма, на мой взгляд, рискованное занятие.

Фасад Пентагона, выходящий на шоссе и на взгорок, усаженный могилами, называют «вертолетным». Здесь нет роскошного подъезда. Только тесный, обшарпанный вестибюль, похожий на заброшенную провинциальную железнодорожную станцию. Грязно-желтые стены, дощатый пол, электрические часы, несколько деревянных скамеек. Три застекленные двери выходят на вертолетную площадку — квадратный забетонированный дворик с небольшой контрольной вышкой. В случае ядерной тревоги отсюда будет эвакуироваться верхушка Пентагона. Так что у нее есть безопасный бункер для своей брэнной плоти, когда разразится армагеддон, великое побоище. По отношению же к нам, грешным, будут приведены в действие иные планы

Сколько «зарабатывают» миллионеры сегодня, рассказывает американская журналистка Глория ЭМЕРСОН-

Фирма «Дж. П. Стивенс» — вторая по величине американская текстильная монополия. Фабрика в городе Уолтерборо, штат Южная Каролина, — одно из восьмидесяти трех ее предприятий. Почти все они расположены на Юге, и работают на них сорок четыре тысячи человек.

Дороти Варнадо шесть с половиной лет работает на фабрике стекловолокна. Однажды миссис Варнадо замеряла скорость вращения челноков ткацких станков. В бетонном полу были большие провалы, образовавшиеся после того, как из цеха вывезли несколько станков. Провалы оставались открытыми. Миссис Варнадо упала в один из них и ударилась коленом о стальную трубу. Колено опухло. Пострадавшей помогли добраться до комнаты первой помощи. Но она была, как всегда, на замке. Сколько рабочие ни требовали, фабрика так и не обзавелась ни медсестрой, ни хотя бы санитаркой, умеющей оказать первую помощь.

«Сначала никак не могли найти ключ, — рассказывала мне миссис Варнадо. — Кто-то сбегал домой и принес немного льда. Мастер ткацкого цеха сказал: «Сожалею, но мне пора. У моего сына сегодня футбольный матч». Мне дали аспирин и бросили одну. Я просила хотя бы позвать мужа. Но и этого не сделали». С час, наверное, просидела она в комнате первой помощи, плача от боли, пока проходивший мимо пожилой чернокожий рабочий не спросил, что случилось. Он-то и сходил за Уиллисом Варнадо.

Ушибленная нога болела целый год. То распухала, то отнималась вовсе. Во время болезни миссис Варнадо не получала ни цента, фирма отделалась мизерной «компенсацией». Вернувшись в цех, миссис Варнадо обнаружила, что не справляется с прежней работой. «Мне надо было много ходить, а я хромала. Специальный бандаж не помогал. Нога почернела и распухла. Мне опять пришлось сидеть дома». И опять миссис Варнадо в течение нескольких месяцев не выдавали никакого пособия. «Я была вынуждена вернуться в цех, хотя мне предложили хуже оплачиваемую работу. А нога все продолжала болеть».

Беда не приходит одна. Химики, которые применяются в том цехе, где стала работать миссис Варнадо, вызвали у нее аллергию. «Обсыпало меня всю, как корью. Я им говорю: не могу больше работать с этой пряжей, а они мне: «Не можешь — иди на все четыре стороны». У меня губы раздуло, глаза опухли, как будто меня ткнули лицом в муравейник».

Врач-аллерголог, к которому миссис Варнадо обратилась за консультацией, подтвердил, что аллергию у нее вызывает состав, которым обрабатывается пряжа. Пробы на аллергию обошлись ей в 197 долларов «Тот врач сказал, что

▼ со стр. 19

ет одну из главных забот страны. Существует и постоянно растет широкая сеть медпунктов, поликлиник, восстановительных центров, амбулаторий и зубоорудительных клиник — причем повсеместно. Путевки в санатории и дома отдыха стоят очень недорого. Медицинское обслуживание бесплатное, включая все виды лечения, обследования и операций. Третью всех докторов мира — советские. Дорога в медицинский вуз открыта любому. Огромное большинство врачей — женщины.

Для нужд промышленности в Советском Союзе осваиваются огромные новые территории. Строятся промышленные комплексы, заводы, фабрики. Эти завоевания — результат героического труда миллионов рабочих, инженеров, специалистов, первопроходчиков, особенно при строительстве территориальных промышленных комплексов на окраинах страны. Замечательные возможности для развития Востока и Севера страны открывает Байкало-Амурская магистраль.

В США основные отрасли промышленности — сталелитейная, автомобильная, резиновая, машиностроительная и другие — страдают от хронических кризисов. Целые отрасли и промышленные районы вымирают. Этот феномен разоблачает преступную бесчеловечность капиталистической системы. Ведь вслед за закрытием предприятий следуют увольнения тысяч и

тысяч рабочих, опустошаются целые районы страны.

Гонка за максимальными прибылями, отсутствие планирования и порочное управление ведут к тому, что предприятия быстро изнашиваются и ветшают, но монополии отказываются вкладывать средства в новые заводы и оборудование. В то время как в Советском Союзе появляются все новые предприятия и целые отрасли промышленности, в Америке только за год закрылось более 1200 заводов и сотни тысяч рабочих и их семьи оказались на улице перед неизбежной бедностью.

В СССР ни одному рабочему не приходится беспокоиться за свою работу.

В то время как на Севере и Востоке СССР появляются новые города, можно сказать без всякого преувеличения, что многие города в нашей стране пришли в настоящий упадок. Общественный транспорт в больших городах находится в плачевном состоянии, причем цены на проезд все растут.

Трущобы в наших городах растут быстрее, чем новые дома. Водопровод и канализация разрушаются, улицы и дороги в глубоких рывинах. Есть районы, например, Южный Бронкс или Гарлем в Нью-Йорке, которые походят на Ленинград во время блокады. В Советском Союзе новые, восстановленные и перестроенные города — такие, как Ташкент, — сочетают богатство и красоту старины с красиво расположенными новыми кварталами. Строительство ведется с таким расчетом, чтобы

на стр. 24 ►

Программа администрации США на 1981—1986 годы предусматривает:
РОСТ ПРИМЕРНОЙ корпораций за счет снижения налогов на 16 МИЛЛИАРДА долларов.

«Предложенная программа крайне рискованна, причем львиная доля риска ложится на плечи рабочих бедняков. В выигрыше окажутся только тоядстосумы и корпорации».

Джон КЭКЛЕНД, председатель профобъединения АФТ-КПП.

работать на нашей фабрике могут только психи»

Национальный институт по изучению профессиональных заболеваний в исследовании 1977 года отмечал, что «маленькие стеклянные волокна могут проникнуть глубоко в легкие. До тех пор, пока не будет получена более детальная информация об их влиянии на дыхательные органы, возможность потенциально опасных заболеваний требует особо осторожного обращения со стекловолокном». Но на предприятиях «Стивенса» никакого защитного оборудования и защитной одежды нет и в помине. Миссис Варнадо рассказывала, как

однажды стекловолокно попало ей в глаз

«Больно было ужасно. Глаз слезился, а волокно никак не выходило. Мне дали блюдце с водой и сказали: «Промывай». Правда, теперь в таких случаях везут к глазнику. Но сколько рабочих повредили глаза, прежде чем удалось этого добиться от администрации. А у меня тогда глаз так воспалился, что казалось, вот-вот пойдет кровь»

Ее муж, Уиллис, страдает диабетом, а недавно перенес сердечный приступ, ему пришлось уже на следующий день после приступа выйти на работу. «В его цехе,— говорит миссис Варнадо,— не-

выносимая жара, окон нет, зато есть печи, в которых на пряжу из стекловолокна наносится покрытие. Страшное место. Установили было обычные вентиляторы, но они тут же покрылись толстым слоем грязи и масла. Люди падают в обморок, мучаются от рвоты. Возле печей работают с пряжей девушки. Их часто тошнит, но задерживаться подолгу в уборных, где есть кондиционеры, им не разрешают. Надсмотрщики стучат в двери и кричат: «Или выходи, или катись с фабрики!»

Я обратила внимание, что многие рабочие фабрики говорят «надсмотрщик», когда хотят сказать «мастер». Это не случайно. По мнению профсоюзного активиста Роберта Росса, поселившегося в Уолтерборо, чтобы организовать здесь профсоюз, порядки на фабрике очень напоминают условия на плантациях Юга сто с лишним лет назад. «Рабочим некуда деться, и они идут к Стивенсу, согласные на все. Они не верят, что в их жизни что-то может измениться к лучшему. Многие даже и не думают, что заслуживают лучшей доли. Администрация и мастера обращаются с ними как с собаками. Отсюда и пережитки рабства, переживавшие в языке «надсмотрщик, хозяин»

Пять лет рабочие добивались ремонта оборудования: когда забивается слив, шликта растекается по всему полу. Уиллису Варнадо и другим приходится идти к своему рабочему месту по этим кипящим лужам. Но надо терпеть: если откажешься от этой работы, за нее с радостью возьмется другой

Ли Дюбуа закончил среднюю школу в Уолтерборо в 1967 году и вскоре был призван в армию. Вернувшись домой, он, как и многие другие, долго не мог найти ни работы, ни пристанища. Вакансия на предприятии Стивенса показалась ему невероятной удачей. Сейчас он живет с женой и двумя дочками в доме, за который ему предстоит расплачиваться еще тридцать три года. «Только потом я понял, что, работая здесь, очень быстро стареешь»,— говорит он

Недавно Дюбуа слег из-за обзавожи-

вания организма. Спокойным голосом он поясняет: «Жара и влажность в цехе просто невыносимы». Едва он почувствовал себя лучше и вышел на работу, ему зажало станком мизинец правой руки. У этого станка конструктивный недостаток — педаль запуска расположена так, что ее можно нечаянно задеть ногой. Что и случилось с Дюбуа.

По дороге в столовую меня провели через цех. Грохот такой, что люди затыкают уши специальными тампонами. Я бывала на разных заводах, но такого мне видеть не доводилось. Я словно перекочевала в прошлое столетие: гремющие, стучащие, скрежещающие черные машины. Я обожаю тропики, но здесь была такая жара, что мне чудилось, будто лицо обернуто горячим мокрым полотенцем. Дыхание превращалось в трудную, утомительную работу. Я поняла, что имел в виду рабочий, который незадолго до этого пожаловался мне: «Это стекловолноко сжигает меня».

Текстильщики Юга по себе знают полное, если не сказать демонстративное, безразличие Стивенса к здоровью своих рабочих. Когда министерство труда провело инспекцию на предприятиях фирмы, было зарегистрировано сорок восемь нарушений. В Уолтерборо мало кто из рабочих вообще слышал об этой инспекции. Жалоб на условия труда из Уолтерборо практически не поступает. Рабочие понимают, что это бесполезно и небезопасно.

Горожанину, привыкшему к запыленным улицам и заваленным грязью улицам, Уолтерборо покажется уютным местом. Сирень, магнолии и камелии, ухоженные огороды. Нищета здесь не бросается в глаза и не так отвратительна, как в Гарлеме или Южном Бронксе. И тем не менее здешняя ни-

щета превратилась в хроническую болезнь. Девятнадцать процентов семей имеют доход ниже официального уровня бедности. Если же определять нищету иной меркой, чем это делает правительство, таких семей намного больше.

Все это мало трогает местные власти, у них иная забота: как бы зазвать сюда больше капиталовкладчиков. «Маленькие города Южной Каролины — это заповедные уголки, которые защитят и приумножат ваши доходы. Мы понимаем, что процветающий бизнес подобен курице, несущей золотые яйца. Эта курица у нас!» — гласит рекламная брошюра, обещающая большому бизнесу, что власти штата создадут для него все условия. Авторам брошюры нет нужды вдаваться в объяснения. В маленьких городках люди согласны на любую работу за самую низкую плату. Им все равно куда податься.

Я думала о «золотой курице», когда шла к домику Эрнеста Робинсона, 64-летнего чернокожего, работающего на одном из предприятий фирмы «Стивенс». Эта курица к нему не имеет никакого отношения. Робинсон уже десять лет работает у шлифовальной машины при температуре 40 градусов.

«Это ад на земле», — говорит он. Хуже работы не придумаешь. А платят столько, что едва хватает свести концы с концами».

Робинсон не снимает профсоюзный значок ни на работе, ни дома. Он вспоминает одно собрание, на котором решали, присоединяться ли к профсоюзу текстильщиков. Перед голосованием рабочих собрал директор и мягко, потешески предупредил, что те, кто проголосует за профсоюз, рискуют потерять все и в первую очередь работу.

Многие испугались, и голосование прошло так, как хотела администрация. «Мне было тошно, как никогда», — вздыхает Робинсон. — Я не подозревал, что среди нас столько темных людей».

Профсоюзы обвиняют фирму в уклонении от уплаты налогов и подслушивании телефонных разговоров, махинациях с ценами и дискриминации при найме и повышении в должности представителей национальных меньшинств, нарушении медицинских норм и правил техники безопасности, а также в том, что на ее предприятиях заработная плата на 31 процент ниже, чем у рабочих в среднем по стране.

Национальная комиссия по трудовым отношениям обратилась с просьбой наложить запрет на «незаконную деятельность» фирмы «Стивенс» в национальном масштабе, имея в виду постоянное противодействие попыткам рабочих создать отделения профсоюза на ее предприятиях. Вскоре комиссия сняла свою просьбу, так как было достигнуто соглашение, по которому «Стивенс» обязалась принять обратно на работу одиннадцать профсоюзных активистов и не препятствовать созданию профсоюза. Это соглашение так и осталось на бумаге. Фирма «Стивенс» по-прежнему препятствует созданию профсоюзных организаций, изменив лишь тактику.

«Некоторые из наших рабочих думают, что рабство в США до сих пор не отменено», — замечает Робинсон. — Неудивительно. На них так ездят...»

На днях я узнала, что Эрнест Робинсон ушел на пенсию — 22,88 доллара в месяц. Нынешний президент фирмы, Уитни Стивенс, получает 295 тысяч долларов в год, а когда уйдет от дел, ему будет положена пенсия 100 тысяч в год.

со стр. 22

рядом с жильем были магазины и предприятия бытового обслуживания, необходимые для современной, удобной жизни. На заводах есть огромные столовые, где кормят дешевыми горячими обедами, спортплощадки и профилактории.

В СССР цены на основные продукты питания сохраняются на низком уровне вот уже 45 лет. В Соединенных Штатах они благодаря инфляции поднялись невиданно высоко.

Та часть доклада товарища Брежнева, которая непосредственно относится к нам, касается борьбы за мир, разоружение и разрядку. Тут особенно остро проявились расхождения в намерениях и путях двух систем. На съездах обеих партий, республиканской и демократической, была поставлена цель добиться «ядерного превосходства США, способности первыми нанести ядерный удар». Эту самоубийственную политику милитаризации и ядерного уничтожения и проводит правительство.

В то же время товарищ Брежнев в своем докладе сказал: «Мы не добились и не добиваемся военного пре-

восходства над другой стороной. Это не наша политика».

Вместо того чтобы проявить желание и готовность вести переговоры о взаимном сокращении вооружений, правительство США разрабатывает 450 новых военных проектов, в том числе ракетно-ядерные установки MX, новые типы подводных лодок с ракетным оружием, двести новых военно-морских судов, новый стратегический бомбардировщик, новые атомные авианосцы. Предпринимаются также попытки создания в срочном порядке лазерных и других систем космического оружия, расширяется производство химического и бактериологического оружия, возобновлена работа над нейтронной бомбой, которая «убивает только людей, оставляя здания невредимыми».

Полной противоположностью политике наращивания гонки вооружений и воинственным, в духе «холодной войны», заявлениям таких деятелей, как Хейг, Уайнбергер и Буш, явились общие и конкретные предложения, направленные на прекращение гонки вооружений и начало процесса взаимного разоружения, с которыми спокойно, по-деловому выступил на съезде товарищ Брежнев.

Инициативы товарища Брежнева, в которых выражены чаяния партии и всего советского народа, говорят о решительной готовности незамедлительно вести переговоры по всем вопросам, по всем проблемам, во всех сферах, относящихся к войне и миру.

И каков же был ответ Белого дома?

К сожалению, народы мира услышали очередную ложь о так называемой «советской угрозе», о «советском международном терроризме» и поучения о том, как СССР «должен себя вести». Другие страны — члены НАТО были призваны поддержать наращивание гонки вооружений.

Взгляд Советской страны на проблему мира и войны выражен в словах товарища Брежнева: «Отстоять мир — нет сейчас более важной задачи в международном плане для нашей партии, нашего народа, да и для всех народов планеты... Не подготовка к войне, обрекающая народы на бессмысленную растрату своих материальных и духовных богатств, а упрочение мира — вот путеводная нить в завтрашний день».

Таковы основные принципы и пути развития в диаметрально противоположных направлениях двух обществ — социализма и капитализма.

Подобно тому как первыми «исграмми» на англо-американской эстраде были вчерашние себе лица белые, песенно-танцевальные боевики с подзаголовком «блюз», появившиеся в продаже и начавшие конкурировать с рэгтаймом около 1916 года, принадлежали перу белых сочинителей и с негритянской музыкой того же названия имели не больше сходства, чем спектакли «Виргинских менестрелей» с бытом рабов на плантациях.

Имелась все же одна деталь, отличавшая эти новинки и от сангвинических рэгтаймов, и от сентиментальных баллад. Первые писались, как правило, в мажорном — «мужественно-крепком», «солнечно-ярком», «бодро-активном» ладу. Вторые — в минорном, «женственно-мягком», «грустно-вато-задумчивом», «туманно-лунном». Что же касается «блюзов», то они оказывались где-то посредине, не укладываясь полностью ни в тот, ни в другой лад: при явно мажорном аккомпанементе мелодия то и дело сбивалась на минор. Третья ступень, — скажем, ми в тональности до — в самых важных местах фразы вопреки ожиданию менялась на ми бемоль, то есть понижалась на полтона — оборот, весьма интриговавший тех, кто прежде ничего похожего не слышал, но скоро сделавшийся таким же обязательным клише, как и синкопированный «рваный ритм».

Любая находка клишировалась тогда уже очень быстро, ибо к тому времени производство легкой музыки давно превратилось в организованный бизнес. Успех определяли не вдохновение и творческая фантазия, а изучение спроса и бешеная гонка в стремлении опередить конкурента. «Музыкальная фабрика на Юнион-сквер была похожа на сумасшедший дом, — пишет историк Дэвид Юэн, — с утра до вечера вопили репетирующие оркестры, эстрадные танцоры приспособливали новые номера к ритмическому щелканью своих туфель, авторы песен и инструменталисты разрабатывали новые партитуры музыкальных водевилей, а профессиональные таперы барабанили свежеспеченные мелодии для потенциальных клиентов — преуспевающих дельцов и певцов, с чьей помощью новые номера могли быть представлены публике и получить всеобщую известность...»

Разделение труда было доведено до предела: одни придумывали мелодию, напевая ее или наигрывая одним пальцем; другие записывали ее на ноты, третьи гармонизировали, четвертые оркестровывали для разных инструментальных составов. Центральной фигурой всего процесса был сонг-плаггер — «толкач» или «пробиватель», «втыкатель песни», чьей обязанностью было не просто продемон-

Третья статья цикла, рассказывающего об истории поп-музыки. Первые были опубликованы в № 1 и 4 за 1981 год

МЕЖДУ МАЖОРОМ И МИНОРОМ

Л. ПЕРЕВЕРЗЕВ

стрировать товар клиенту, но и побудить его раскошелиться.

Ежевечерние ведущие сонг-плаггеры собирались в крупнейшем мюзик-холле Тони Пастора, где происходил своего рода аукцион новинок. Плаггер сидел у самой ramпы, внимательно следя за настроением зала: реакция публики показывала, рентабельно ли печатать ноты этого номера большим тиражом.

Базовым образцом, исходной порождающей моделью, или, употребляя вернувшийся в наш лексикон древнегреческий термин, парадигмой, всей этой музыкально-коммерческой деятельности по-прежнему оставалась эстетическая установка минстрел-шоу, приспособляемая к требованиям дня и прогрессу техники. Неудивительно, что некоторые негритянские музыканты, уже избравшие карьеру «черных менестрелей» и ориентировавшиеся на европеизированные идеалы рэгтайма, все чаще подумывали и об организации собственного издательского дела.

Одним из таких пионеров был Уильям Кристофер Хэнди из Алабамы, учившийся несколько лет в Кентуккском музыкальном колледже, а в 1896 году, всего двадцати двух лет от роду, ставший руководителем гастролирующего ансамбля «Махара минстрелз». Полученное образование побуждало его относиться с пренебрежением к «варварской» и «грубой» негритянской музыке. Предназначение свое он видел в создании «настоящего искусства», для которого фольклор был не более чем сырым материа-

лом, ждущим «возвышающей и облагораживающей» переработки.

Разъезжая по южным штатам, Хэнди не испытывал недостатка в такого рода «сырье», но чем ближе он с ним знакомился, тем менее очевидной казалась ему первоначальная цель. Десятилетия спустя он вспоминал о нескольких таких встречах, в конце концов заставивших его коренным образом пересмотреть свою позицию.

«Тощий, с разболтанными суставами негр затренькал на гитаре рядом со мной на станционной платформе в Тутуайлере, штат Миссисипи. Он был в лохмотьях, из рваных ботинок торчали пальцы. Вековая печаль подернула тенью его лицо. Играл, он прижимал струны лезвием ножа, вроде того, как делают гавайские исполнители. Эффект был незабываем. Пение тоже пронзило меня мгновенно: «Отправляюсь туда, где Южная пересекает Собаку».

Певец повторил фразу три раза, сопровождая ее на гитаре самой странной, причудливой, нездешне-колдовской музыкой, какую я когда-либо слышал. Мелодия врезалась мне в душу... Певец объяснил, что едет до станции, где Южная железная дорога пересекается с линией Язу Делта Рэйлрод, которую зовут Желтой Собакой».

Слова эти стали заключительной строчкой в одном из замечательных творений Хэнди, написанном в 1915 году и названном им «Йеллоу Дог Блюз» («Блюз Желтой Собаки»). Вообще, все лучшие его вещи, включая такие шедевры, как «Мемфис Блюз»,

«Билл Стрит Влюз» и самый знаменитый из всех — «Сэнт-Луи Блюз», родились либо непосредственно из фольклорных источников, либо из личных впечатлений и переживаний конкретных встреч и событий.

О том, какими именно способами и материалами пользовались те, кто стоял у истоков этого жанра, рассказывает в своей автобиографической повести другой очевидец, по возрасту годившийся в сыновья или младшие братья встреченному Хэнди бродяге с гитарой, — знаменитый впоследствии блюзовый певец Биг Билл Брунзи.

«Мой «Блюз в 1890-м» звучал еще до моего рождения, а при мне его пел мой дядя с приятелем, подыгрывая себе на банджо. А до того, как ему пришлось в голову смастерить себе банджо, ему не на чем было подыгрывать, когда они собирались попеть в дождливую пору или когда сидели без работы. Начнут они тогда петь и хлопают себе в ладоши, а чтобы звук был разный, один бьет с силой, а другой только трет ладонь о ладонь» (Нетрудно увидеть здесь аналогию с двумя основными ритмическими единицами в джазе и рок-музыке, именуемыми «офф-бит» и «даун-бит», и полное соответствие тому приему игры ударника, когда даун-бит создается движением щеток по малому барабану, а офф-бит — ударом тарелок.)

«Дядя мой был кузнец, чинил плуги и прочее фермерам. У разных плугов размер лемеха разный, и дядя их затачивал остро-остро, чтобы лучше пахали. Однажды точил он сразу несколько штук и заметил, что каждый лемех, когда прикоснешься к нему точилом, дает разный звук. Тогда он взял их и повесил в ряд на веревке и получил из них музыку». (Здесь перед нами законченный прототип вибратона. Уместно вспомнить, что величайший джазовый вибратонист Лайонел Хэмптон начинал примерно так же: работая мальчишкой продавцом газированной воды, он играл ложками на бутылках, заполненных до уровня, обеспечивающего нужную высоту звука, за что и был вскоре уволен с занимаемой должности.)

«А другой раз чинил он старый таз, в котором стирают. Взял палку отбить ржавчину и тоже получил звук. Тогда он стал ударять по тазу медленно и ударять быстро, одной палкой и двумя и понял, что тут что-то есть. Сразу же позвал приятеля и велел ему ударять по лемехам плугов, а сам стал бить в таз — и так каждый день, если выпадет случай. Однажды жена просила его помочь ей подмести пол и дала ему метлу. А у него руки были мокрые от мытья посуды, и он положил палку метлы на стол и давай катать ее пальцами — опять получился звук, причем он заметил, что если прижмешь сильнее или слабее разными пальцами — звук меняется. Тогда он взял метлу в кузницу и позвал

своего приятеля и еще одного. Тот стал бить в таз, приятель — ударять по лемехам, а дядя Джерри — катать палку метлы по столу, и так они делали долго, особенно если лил дождь и в поле нельзя было работать, и все приходило их слушать. Даже белым людям это очень нравилось, и они даже просили дядю с приятелями играть им для танцев».

О том, сколь неодолима была притягательность звучаний, создаваемых столь внешне нехитрыми способами, как захватывали они и тех, кто был воспитан в совершенно иных традициях, какое влияние они оказали на все дальнейшее развитие легкой музыки, мы узнаем, еще раз обратившись к мемуарам Хэнди. В 1903 году ему довелось в Кливленде слышать местный струнный оркестрик, скрипка, банджо, гитара, контр-бас, удивленные из глиняного горшка и так далее «из всех сил выделяли вновь и вновь один и тот же короткий мотив, не имевший, казалось, ни конца, ни начала. Бренчание его становилось уже раздражающе монотонным, но он повторялся опять и опять, и было в нем нечто, что шло от негритянских грустных «консервных рядов» и лагун на плотинах. Ноги втаптывали в пол свой ритм. Глаза вращались. Плечи тряслись. И все пронизывал вскрикивающий, агонизирующий напев. Он уже не производил впечатления отталкивающего или неприятного. Вернее было бы назвать его «завораживающим», но я все еще сомневался, способен ли он привлечь кого-либо, кроме оборванцев из захолустных маленьких городишек».

Ответ не заставил себя ждать. Дождь серебряных долларов посыпался вдруг к ногам исполнителей, яростно отбивающим такт... Попадание было точным. Их музыка нуждалась в отделке, но сущностью уже обладала. Старая, общепринятая музыка (Хэнди имеет здесь в виду рэгтайм и эстетику Тин Пэн Элли. — Л. П.) была хороша и добротна и занимала подобающее ей место, спору нет, но было бы грешно, имея глаза, оставаться слепым к тому, что здесь происходило. В тот вечер во мне родился композитор. Американский композитор. Эти сельские молодчики в Кливленде научили меня тому, о чем не узнаешь из книг, но о чем стоило бы писать книги».

Было бы несправедливо делать отсюда вывод, что единственным мерилом достоинства музыки в глазах Хэнди были доллары. Примечательно, что, несмотря на всемирную славу и титул «Father of the Blues» («Отец блюза»), он так и не добился успеха на деловом поприще во многом потому, что был настоящим художником и сочинял слишком хорошую музыку.

Неудача издательского предприятия Хэнди имела еще одну причину, исторически прямо связанную со спецификой создаваемой им музыки. В отличие от произведений европей-

ского музыкального искусства блюз как таковой был неотделим от своей звучащей материи. Нотный текст отражал только структурный скелет и общие очертания мелодии, а чтобы извлечь из них сущность блюза, заключенную в интонациях, ритме и тембре человеческого голоса и аккомпанирующего инструмента, нужен был исполнитель, умеющий петь и играть в надлежащей манере. Но железнодорожные бродяги, кузнецы и скрипачи, подрабатывавшие на деревенских танцульках, не умели читать ноты, а грамотные столичные музыканты не были знакомы с блюзовой традицией. Пути их скрестились лишь после того, как первая мировая война вызвала небывалый приток негров из сельских районов в промышленные центры страны, а граммофонная запись позволила фиксировать и распространять блюзы в их непосредственно слышимом звучании.

Вместе с изменением географии и способов распространения блюза резко изменились и эстетические запросы его аудитории, и нормы исполнительской практики, и структурные черты соответствующих произведений. С трудом приспособившись к чуждому для них урбанистическому окружению, вчерашние сборщики хлопка, погонщики мулов и землепашцы с плотин ощущали себя вышибленными из привычной колеи, заброшенными, никому не нужными и бесконечно одинокими. Звучание блюза — «живое» или воспроизведенное граммофоном — служило им чем-то вроде убежища, где можно было вновь почувствовать себя в обществе себе подобных. Однако наивное простодушие и неспешность примитивных сельских блюзов, которые мог напеть каждый, в ком была хоть капля воображения и вокальных задатков, слишком уже отставало от сложности и напряженного темпа механизированной городской цивилизации. Блюзы тоже урбанизировались, становились городскими, и наибольшим успехом пользовались те авторы-исполнители, которые умели чутко улавливать происходившие перемены и воплощать их в новых, но вместе с тем не порывающих с традицией образах. Бродячие певцы превращались в артистов с именем, и одной из первых блюз-звезд, известной, правда, только в негритянских кругах, была Гертруда Ма Рэйни, чью славу вскоре затмила ее ученица Бесси Смит, прозванная «Empress of the Blues» — «Императрица блюза».

Из множества разновидностей сельских блюзов практика грамзаписи отобрала и закрепила одну, ставшую теперь классической: период или «квадрат» длиной в двенадцать тактов. Он состоял из трех фраз по четыре такта, делившихся на два предложения: первое отводилось голосу певца, второе — инструментальному отыгрышу. Ничем внешне не приметельная структура двенадца-

титактового блюза оказалась не только поразительно устойчивой, но и способной к экспансии далеко за пределы своего первоначального бытования — достаточно вспомнить музыку кантри и рок-н-ролл.

Секрет столь необычной жизнеспособности подобной структуры в исключительном полном и органичном единстве ее формальных и содержательных особенностей, в свою очередь несущих в себе глубочайшее противоречие и конфликт «черного» и «белого» начал. Внутренняя парадоксальность, двойственность и единство блюза являются источником его творческого потенциала, порождающего все новые и новые попытки разрешить этот конфликт как в ходе исторической эволюции жанра, так и в процессе импровизационного исполнения каждого из относящихся к данному жанру произведений.

Даже в тех случаях, когда блюз исполняется одним певцом, аккомпанирующим себе на гитаре, он никогда не бывает монологом, но всегда — диалогическим изложением двух противостоящих позиций, точек зрения и художественных волей. Гитара на самом деле есть не аккомпанирующий инструмент, но перечасный, возражающий, спорящий, уговаривающий, убеждающий второй голос, столь же полномочный, как и первый. Певец задает вопрос, вызывает, требует ответа и получает его от гитары, которая сначала повторяет мелодический контур «зова», а потом добавляет к нему «от себя» нечто новое, что становится уже не только ответом, но и встречным зовом и вопросом, обращенным к вокалисту.

Такая же двойственность и диалогичность проявляется в отношениях между аккордовой основой и движением мелодии, о чем мы упоминали, говоря о конфликте «мажора и минора», хотя в настоящем блюзе дело обстоит гораздо сложнее, нежели простое понижение на полтона третьей, а также седьмой и пятой ступеней. Блюзовый исполнитель в действительности осуществляет плавное скольжение, вибрацию, качание звука между мажорным и минорным интервалами; он все время создает у слушателя ожидание определенного выбора и пользу первого или второго и тут же обманывает это ожидание, дразнит, интригует и, доведя его до изнеможения, возвращается наконец к устойчивой тональной опоре, так и не определив однозначно, в каком именно ладу он двигался.

И такое же противостояние мы находим в паре «мелодия — ритм». Колеблющиеся, «детонирующие» интервалы третьей, седьмой и пятой ступеней — так называемые «блюзовые ноты» (blue notes) — порождают у слушателя чувство безысходной тоски, мучительной горечи, трагедии. Однако ритмический поток, в котором всегда, даже при самых медленных темпах, присутствует свинг — мощ-

ный моторный импульс, ощущаемый как неудержимый посыл вперед и ланение в невесомости, — словно смеется надо всем, убеждает нас не придавать происходящему такого уж серьезного значения, сохранять не только самообладание, но и оптимизм, бодрость и силу духа.

В текстах многих блюзов встречаются слова «смейся, чтобы не плакать», и видный современный негритянский писатель Ральф Эллисон истолковывает их так: «Блюзы есть наследие народа, веками лишенного возможности праздновать рождения и оплакивать смерти, но сохранившего жажду жизни и, несмотря на бесчеловечное бремя рабства, выработавшего в себе безграничную способность смеяться над своим горестным опытом. При изучении блюзов мы должны рассматривать их и как поэзию, и как ритуал».

Далее Эллисон специально подчеркивает, что классические блюзы 30-х годов воспринимались белой публикой как эстрадно-развлекательный жанр, но для негров были средством передачи и сохранения духовных ценностей, поддерживавших достоинство народа. «Бесси Смит могла быть «королевой блюза» в глазах всего американского общества, но внутри тесно сплоченного негритянского гетто, где блюз был неотъемлемой частью повседневного образа жизни и главным выразителем отношения к этой жизни, она была жрицей, совершающей таинство, утверждающей веру людей в самих себя и в свою способность справляться с окружающим хаосом».

Одной из наиболее частых тем блюзов было описание всевозможных несчастий, могущих выпасть на долю человека, и совет не принимать слишком близко к сердцу причиняемый ими материальный ущерб. «Если пожар охватит твой дом, о боже! И поблизости не будет воды, || Плюнь, человек, швырни свои манатки в окно. || И пусть эта развалюха сгорит дотла».

Любовная тематика чаще всего отражалась в сюжетах измены, унижения отвергнутого ввиду нищеты кавалера; ссор из-за ревности или денег. Самой распространенной была тема разлуки («Приходилось ли видеть тебе сон о счастье и проснуться в холодной пустой тишине?») и одиночества, не имеющего конца: «Сижу сам с собой, и мысли смешались совсем. || Да, сижу сам с собой, мешаются мысли совсем. || Взгляну на часы — не могу сказать, сколько времени».

Тем не менее жалоба никогда не переходит в жалость к самому себе. Напротив, она часто оборачивается самовысмеиванием и самоподдразниванием, нередко ироническим самоуничтожением, производимым как бы от лица белого человека: «Подымайся, ниггер, || Выше голову, || Завтра получка, || Если не околешь». Вообще

отношения с белыми в классических блюзах проявляются регулярно и вполне определенно: «Ни гроша — так и есть ни гроша. || Пятерка — уже приличная сумма, || Все равно все у белого, || А у ниггера ни шиша». Или: «Ем, когда в брюхе голод, || Пью, когда в горле сухо, || Если белые меня не прикончат, || Буду жить, пожалуй, пока не помру».

Сценичность и театральность, уже изначально свойственные блюзу ввиду его «диалогической» природы, проявлялись особенно наглядно, когда певец или певица выступали в сопровождении ансамбля из нескольких инструментов: трубы, кларнета, тромбона, фортепьяно и так далее. Эти инструменты поочередно или все вместе брали на себя те функции, которые раньше принадлежали гитаре, ансамбль превращался в некий коллективный персонаж или хор, взаимодействующий с солистом по законам не столько музыкальной, сколько художественно-обрядовой драматургии. Если рэгтайм был попыткой (как оказалось, преждевременной) добиться наиболее полного слияния «черного» и «белого» начал, но приведшей к резкому преобладанию второго и фактическому тупику этой ветви развития, то в блюзе оба начала встречались лицом к лицу во всей своей силе. Их противостояние, жестокая схватка, взаимопроникновение, ведущее к временному перемирию, но затем порождающее новые конфликты и новую борьбу, отнюдь не заканчивались вместе с исчерпанием того или иного стиля, манеры и конкретной художественной формы их воплощения. «Сельские» блюзы сменились «городскими», в конце 30-х годов появился «современный» блюз, затем ритм-энд-блюз, и, наконец, рок-н-ролл сделал блюзовую форму основой всей «молодежной» музыки наших дней. В этом смысле блюз можно понимать как некий принцип переживания действительности в музыке, прямое, не нуждающееся в каких-то промежуточных посредниках отображение жизненной реальности в музыкально-художественной форме. Уникальность последней в том, что она никогда не превращается в оталеченные образы, но сохраняет свою действительную, творчески преобразующую энергию, которая может обращаться на любой материал, любую тему. Первым из таких «материалов», встреченных блюзом на его историческом пути, был фортепьянный рэгтайм и маршевая музыка духовых оркестров, очень популярных в начале XX века по всей Америке. Блюз не смешался с ними, не подчинил их себе, не придал им новую форму. Он воззвал к ним и получил ответ, совершенно неожиданный для самих отвечающих. Вначале никто даже не понимал толком, что именно происходит, и за немением лучшего полученный ответ окрестили первым попавшимся под руку словом — «джаз».

ФАУСТ, ВЕЧНЫЙ РОВЕСНИК

Сколько в мире Фаустов? Оказывается, это не так-то просто подсчитать. Широко известны образы Фауста, созданные Марло, Гёте, Томасом Манном... А сколько еще, менее знаменитых? Немецкий журналист Ханс-Йорк Маус опубликовал недавно исследование «Фауст. Немецкая легенда». Он собрал все сведения о Фаусте литературном и Фаусте историческом, действительно жившем в Германии между 1480 и 1540 годами. Первое упоминание о настоящем Фаусте найдено в книге, выпущенной в 1587 году. Он — дерзновенный искатель истины, а нем — черты новой исторической эпохи. Этот Фауст — образованнейший человек своего времени, отдавший ради Знания все. Существует огромная «Фаустиана», и каждое поколение по-своему осмысливает этот образ и придает ему черты своей эпохи.

О ЛЕГИОНЕРАХ ВЕКА ДВАДЦАТОГО

Это старая легенда, ей уже 150 лет. 9 марта 1831 года Луи Филипп, французский король, отдал приказ о создании «легиона, который состоял бы целиком из иностранцев», — Иностранного легиона. Вот с тех-то пор и начиналась легенда и кинолегенда об усталых героях. В Иностранном легионе принимали лиц иностранного происхождения, но требуя при этом никаких документов. В результате ряды легиона регулярно пополнялись преступниками из разных стран. Послужной список? 1871 год — подавление Парижской коммуны. Участие во вьетнамской войне 1946 — 1954 годов. Колониальная война в Алжире 1954—1962 годов... Сегодня старые каменщики-легионеры копаются в садах и изредка ходят в кино. Усмехаются в седые усы, они то знают, как было в действительности.

А ЧТО РИСУЮТ?

НЛО из Бонна: прилетели искать общий язык с молодежью...
(„Штерн“, Гамбург)

НОВОСТИ МОДЫ. Последней жертвой моды в США стали... хирурги. Нет, их жизнь не в опасности. Просто многим из них не во что одеться для операции, ибо хирургические костюмы — хлопчатобумажные брюки, завязанные шнурком на поясе, и короткие фартуки — стали модными! Но эти костюмы не продаются в магазинах, а изготавливаются по заказу больниц. И для того чтоб одеться модно, надо... украсть такой костюм. За последнее время со складов исчезли тысячи костюмов для хирургов.

НОКАУТ

Даже римские императоры, которые, как известно, высокими моральными качествами не отличались, и те не додумались выставлять на арену детей в качестве гладиаторов. Зато «цивилизованное» западное общество с восторгом смотрит бои малолетних «профессиональных» боксеров. Зрелище часто оканчивается серьезными травмами или даже смертью.

Слово «профессиональные» потому в кавычках, что дети, конечно, денег не получают: их получают родители и тренеры. И те, кто ставит на победителя.

«МАСТЕРСКАЯ» ФРЕДДИ УЭЙТА

Когда-то в юности Фредди Уэйт надеялся на славу, и надежды были вполне обоснованными: десятки его песен занимали ведущие места в таблицах популярности. Сейчас Фредди Уэйт все свое время посвящает работе с музыкантами группы «Мастерская», благо времени у Фредди более чем достаточно: он стал обыкновенным британским безработным. История группы такова: Фредди собрал друзей своего сына и начал обучать их музыке, «чтоб по улице не бегали». Группа «Мастерская» самая молодая на Британских островах (средний возраст участников — 11 лет). Уже вышла их первая пластинка. Тема песен: призыв к правительству приостановить гонку вооружений.

ЗАТЕРЯННАЯ В ПЕСКАХ И ВЕКАХ

Историки давно уже установили названия древнейших цивилизаций: Ассирия, Египет, Ур... Многие десятилетия этот недлинный список казался неизменным. Но открытке итальянского археолога Паоло Матте внесло в него коррективы. В Северной Сирии, в местечке Телл Мардих, ученый обнаружил остатки древнего государства — Эбам, существовавшего 4500 лет назад. В Эбаме сохранилась огромная библиотека клинописных текстов. Ученые прочли, что Эбам соперничала по могуществу с Вавилоном и Древним Египетом.

СОСЕТ ЛАПУ КАК МЕДВЕДЬ...

— выражение в корне неверное, утверждает американский зоолог Линн Роджерс, изучающий жизнь черных медведей. Медведь ее вовсе не сосет, просто спит в берлоге, причем температура его тела падает почти до нуля градусов, а дыхание, обмен веществ и сердечная деятельность уменьшаются до предела. «Тут есть чему поучиться людям», — говорит Роджерс. Изучение зимнего анабиоза этих животных может сослужить неплохую службу космонавтам, преодолевающим в космических аппаратах сверхдальние расстояния.

...И ВОЛЬНЫЙ КАК ПТИЦА

— тоже совершенно неправильная поговорка. Это стало известно еще несколько десятилетий назад, когда в США, Канаде и Италии начались первые исследования навигационных способностей пернатых. Человек так пока и не разгадал тайны птичьих перелетов. Какие только гипотезы не рождались! Последняя, ее выдвинул итальянский орнитолог Флорнано Пани, утверждает, что голуби, кроме всего прочего, ориентируются с помощью обоняния. Птице надели на голову стеклянный колпачок и стали наблюдать. Голубь опять выбрал нужный маршрут...

— Ладно бы меня узнавали французы — это понятно. Я уже привык к популярности в своей стране... В Советском Союзе я впервые. Но, оказывается, и здесь меня хорошо знают. Рад, очень рад, что это так.

Известный французский киноактер Ален Делон впервые побывал в Советском Союзе на съемках советско-швейцарско-французского фильма «Тегеран-43», где он играет роль инспектора полиции. Но для советского зрителя это будет далеко не первая встреча с Аленом Делоном. Его знают по многим фильмам: «Рокко и его братья», «Двое в городе», «Черный тюльпан», «Искатели приключений».

Публикуемый очерк в какой-то степени раскрывает сложность характера этого незаурядного актера, который складывался и как человек и как художник в специфической атмосфере общества, где каждый борется только за себя и со всеми, борется за выживание, за успех, за право на звездную легенду.

Не хотел бы я быть на своем собственном месте. Однако я пахожусь именно на этом месте и не могу себе представить другого, столь же неудобного. В самом деле, как можно говорить о человеке, с которым дружишь в течение двадцати лет, да еще если этого человека зовут Ален Делон и имя это сверкает так высоко, среди звезд? Столько выслушано взаимных откровений, столько маленьких тайн и больших секретов поверено друг другу, столько признаний («это только между нами») сделано... Как, каким образом после всего этого говорить о человеке и не выдать того, что он хотел бы уберечь от посторонних глаз, что касается только нас и «не подлежит продаже»?

Я не знаю никого более скрытного и «укрепленного» (как говорят о городе), чем этот человек. Тысячу самых ожесточенных штурмов отразили эти стены. Тысячу подкопов было сделано, чтобы взять эту крепость. Тысячу раз он рисковал, обороняясь и переходя в наступление, и каждый раз я говорил себе и продолжаю до сих пор говорить: «Боже мой, на этот раз он наверняка сдастся!» Однако до сегодняшнего дня этот игрок даже из самых сложных поединков выходил победителем. Я не знаю никого более нелюбимого и одинокого. Он способен на немыслимо упорное молчание, на забаррикадированное уединение, на приступы дикого гнева, которые опять сменяются гробовым молчанием. Не самый удобный друг. Приручить его — тяжкий труд. Покорить — неосуществимая задача. Он может отдать самое дорогое, но только в кратковременном порыве, может проявить нежность, но это всегда выглядит так, будто он все еще защищается. Гордости и стремления к могуществу — в избытке. Но тщеславия ни на грош, потому что он никогда и ничего не требует от других, все только у себя самого. Он создал себя сам, без посторонней помощи, из духа противоречия, с помощью силы воли и

«Я—ЗВЕЗДА, И ЭТИМ ВСЕ СКАЗАНО...»

Жан КО, французский журналист

ярости. А на заднем фоне — фальшивые побрякушки легенды о Делоне, на которую он никогда не оглядывается. О его личной жизни «публика» не знает ничего, видна лишь вершина айсберга. А остальное пытаются угадать хроникеры. Они ныряют, добывают какие-то кусочки. Склеивают, подгоняют один к другому, мастерят из них нечто и объявляют: «Вот Делон». А потом появляется Делон собственной персоной, поддает ногой всю эту конструкцию, и она распадается.

И приходится все начинать сначала. Таое детство в Эй-ле-Роз, жалкое свидетельство об образовании, ученичество в колбасной лавке, служба морского пехотинца колоннальной армии в Индокитае, куча приключений, тысячи километров путешествий, женитьба, сын, сорок пять лет, шестьдесят фильмов, последний из которых показывают одновременно на сотнях экранов по всей Франции... что же я смогу написать о тебе? «Ты скажешь: Ален — ты звезда. Я хочу, чтобы ты объяснил, что такое звезда. Ладно?»

Несколькими вспышками можно осветить основное в Делоне. Первая вспышка — он чрезмерно нервный. Это бросается в глаза. Он никогда не сидит на месте. Он похож на дикого зверя, которого должны вот-вот поймать и ко-

торый вынужден убегать постоянно. Вот он входит и выходит. Оборачивается. Садится и встает. Когда он расслабляется или ложится, то сразу засыпает. Сотни раз я видел, как он, сидя на ковре, спорит со мной и внезапно проваливается в глубокий сон. Тогда я беру книгу и читаю. В два часа ночи он просыпается и говорит: «Надо идти ложиться спать». Он не ляжет спать, не наведя везде порядок, не приласкав собаку, не бросив последнего взгляда на мир и покой, завоеванный им в своем королевстве. У него ужасная страсть к порядку: она все бесконечно расставляет на места и переставляет, раскладывает и перекладывает, следит за всем и всюду наводит лоск. В этой жизни, внешне почти хаотической, у этого человека, от падений и взлетов которого замирает сердце, порядок, в котором должны находиться предметы, стал странной абсолютной страстью. Может быть, он нужен для того, чтобы преградить путь другим страстям — страстям души...

Вспышка вторая: он дьявольски ловко владеет своими руками и телом. Он обладает даром жеста и совершенно изумительной интуицией распознавания сути любых вещей. Например, он способен в течение всего лишь трех минут разглядывать самый сложный прибор, а потом точно сказать, «как это работа-

ет». Он может моментально повторить фокусы профессионала. Инстинктивно. Это потрясающее зрелище. Если бы он не стал актером, он, с его изумительными руками и телом, с его уникальной интуицией, мог бы стать кем угодно. Столяром-краснодеревщиком, летчиком, скульптором, великолепным наездником, боксером, первоклассным стрелком, реставратором фарфора... Только у животных я встречал тело, столь же превосходно приспособленное к окружающей среде. Я задаюсь вопросом: не в этом ли заключен секрет воздействия, которое оказывает Делон на зрителя одним своим присутствием на экране?

Еще одна вспышка — сверхчувствительность Делона. Как все отшельники, загораживающиеся от мира только для того, чтобы защититься, он хранит в памяти мельчайшие подробности прошлого, детали общения со всеми людьми, с которыми сталкивается его судьба. Он помнит все. Каждый жест, каждую фразу, каждый день и каждое слово. Эта память заставляет его предъявлять жесткие требования к любви и дружбе. Общаясь с ним, надо постоянно отдавать себе отчет в том, что ты говоришь и делаешь. Он ничего не забывает. Он служит сам себе «национальной библиотекой», где хранится его жизнь и где все разложено по полочкам. В полном порядке. Даже беспорядки лежат на своих местах.

Последняя вспышка: мир, в котором он живет. Огромные апартаменты в Париже, куда совершенно невозможно проникнуть без специального разрешения. Сюда допускаются только самые близкие друзья. Говорят, что жилище Алена Делона более недостижимо для посторонних, чем Закрытый город времен маньчжурских императоров. Имение в Дучи, окруженное бесконечной стеной, от одного вида которой захватывает дух. Настоящая китайская стена. За ней — лес, который стал прибежищем самых разных животных: кролики и барсуки, дикие утки и цапли. Они обитают здесь под высоким и суровым покровительством хозяина этих мест, который никогда не охотится. Никогда ни за что на свете. Если бы он и стал охотиться, то уж скорее на людей, а не на животных. Это вопрос этики: «Люди, по крайней мере, могут защититься...»

«Ну а теперь я собираюсь сказать, что ты — звезда...» — «Так точно!» (Он очень часто употребляет это «так точно».) «Но что это означает — что ты звезда?» — «Ты знаешь это так же хорошо, как я. Я не собираюсь диктовать тебе твою статью. Ты меня достаточно хорошо знаешь... Пиши, а я потом скажу тебе, правильно или нет». Ну что же, я пишу. Я хочу говорить об этом от первого лица. «Итак, когда я говорю, что я звезда, я прежде всего провозглашаю простую истину. Во Франции немало великолепных актеров, довольно много отличных профессионалов и великое множество плохих актеров, но только один актер, слава которого перешагнула все национальные границы. Повсюду знают Делона и бегут смотреть его

фильмы. Этого нельзя наверняка сказать о Франции, потому что здесь отдают предпочтение велосипедисту-неудачнику Пулидору перед велосипедистом-победителем Анкетилем. После смерти — другое дело, тогда героя боготворят. А при жизни ругают. К счастью, не народ, не публика (если выражаться в терминах кино), но все те, чья профессия — думать и писать. Я всегда говорю напрямик, хладнокровно и резко то, что думаю. Например, что я люблю свою страну, и когда я вижу ее отступившей, я в прямом смысле заболеваю. Идеал некоторых моих соотечественников — маленькая Франция, населенная маленькими французами. Я этого не признаю...

В моей сфере деятельности, то есть в кино, принято думать: Делон-режиссер, Делон, пытающийся снимать французских актеров во французских фильмах — это почти неприлично! Насмешки, пожимание плечами. Меня считали легкомысленным, претенциозным и вообще дураком. Я — необразованный, не признающий общепринятых правил и общепризнанных метров. Верно, конечно, и то, что вначале я заблуждался, продвигался на ощупь, как слепец. Но по прошествии лет, многим поплававшему — за все надо платить, — я приобрел «второе зрение». Вдруг — ты заметил? — стихли все насмешки. И вчерашние шутники с умным видом кивают головами.

Все это в значительной степени объясняет резкость и порой даже ярость моего поведения, мой волчий характер, который у меня, несомненно, был, а теперь я еще больше ожесточился. И мое одиночество, в котором я скрываюсь и из которого выхожу только тогда, когда надо что-то предпринять. Я совершаю набег на внешний мир, а затем закрываюсь в своей крепости и поднимаю мосты. Чтоб тебя любили, нужно улыбаться, расшаркиваться, быть у всех в милости, носить в портупее свое сердце, пусть даже фальшивое и лживое. Улыбаться важнее, чем быть самим собой. Но пресмыкаться — это не в моем духе. Потому что в этом случае человека больше не существует. Он — подделка. Он не он, а кто-то другой, кто прыгает через обруч по чьему-то свистку. И когда я осмеливаюсь утверждать, что я звезда, я имею в виду только одно: я люблю быть первым и не скрываю этого. Я стремлюсь быть первым не из мелкого тщеславия, я хочу быть первым по силе воли, по труду, упорству и, если возможно, по заслугам. Если бы я был боксером, я хотел бы быть чемпионом мира. Если быть велосипедистом — то Анкетилем, а не Пулидором; теннисистом — Боргом, а не Родригесом. Став актером, я неистово, яростно боролся за то, чтобы быть Делоном. Это было непросто. Выиграть такие скачки — тяжелая задача. Кто-то падает, разбивается, кто-то сходит с этапа, кого-то освиистывают... Да, это тяжело... Особенно если поклялся никогда не отступать. Согласен, у меня гнусный характер, но у меня он, по крайней мере, есть — хоть

какой-то характер, а это не так уж часто встречается. И потом я заметил, что гнусный характер обычно проявляется в общении с теми, у кого вообще нет никакого характера. Мне сорок пять лет, и когда я оборачиваюсь на свою жизнь — что же я вижу? Двадцатилетнего парня, сошедшего с корабля в Марселе, бывшего морского пехотинца с коротко стриженными волосами, только что вернувшегося из Индокитая. Потерянный, дикий парнишка, который — с его-то характером — мог увлечься чем угодно. Самым плохим и самым хорошим. Судьбе было угодно, чтобы его захватило кино. Спасибо, судьба! Но спасибо и мне тоже — и еще нескольким людям. Потому что в течение двадцати пяти лет я в основном сам помогал себе прокладывать дорогу, и когда я оглядываюсь на прошлое, я могу сказать: «Все в порядке. Ты дрался. Ты никогда не отсиживался в углу. Ты никогда не отступал». Я работал, любил — немного и несчастливо, пока не нашел мира с той, которая сейчас всегда со мной. У меня сын шестнадцати лет. Я его понимаю — нелегко быть сыном Делона. Для него это самое плохое. Я с трепетом надеюсь, что, может быть, это и лучше. С трепетом, потому что всегда хочется, чтобы ваш сын стал вашим повторением — одновременно отличным от вас и похожим на вас. И лучшим, чем вы. Я хорошо знаю, что это невозможно. В шестнадцать лет у меня уже была своя самостоятельная жизнь. Я не был сыном Алена Делона. Но хватит об Антони. Это его дело — быть моим сыном. Посмотрим, как он выйдет из этого положения.

Но, возвращаясь наконец к идее «звезды», что бы я еще хотел сказать?.. Что — слушай меня внимательно — миру необходимы звезды. Что без них он тоскует и задыхается. Что ему надоело барахтаться в посредственности. Я хочу сказать, что миру нужны мечты. Во всех областях жизни и во все времена. В мирное время и на войне, в спорте или прогнозировании погоды, на телевидении или на улице, в политике и на заводе, во взаимной любви или в пустой комнате. Везде и повсюду. Так вот, если я — через своих героев, через то, что я уже сделал и еще рассчитываю сделать в своем ремесле, — если я даю людям мечту, значит, я не теряю времени даром. Мечта нужна везде, и она будет жить, пока в мире есть звезды... Без них — в кино и на улицах, в воображении и реальной жизни — воцарилась бы тьма...

Стоп. Кончено. Все правильно? «Так точно, — говорят Делон. — Ты все понял. Это именно то, что я хотел бы сказать. Ты понял суть». — «Как, по-твоему, вышло, не слишком хвалебно?» — «Не думаю. Ты попал в самую точку». — «Это было непросто. Я словно шел по чему-то хрупкому, что боялся раздавить...» Он молча гладил Ману, огромного сторожевого пса, похожего на черную пантеру. Ален Делон обожает это чудовище редкостной и драгоценной породы. Он и сам той же породы.

В этом номере журнала опубликован материал о блюзе. Здесь мы приводим иллюстрацию к нему — один из характерных блюзов, созданных еще во времена рабства. В 30-е годы нашего века «Блюз измученного» записал на пластинку ансамбль «Картер фэмили», с тех пор он входит в репертуар многих блюзовых певцов. Следует сказать, что в блюзах первая строка куплета, как правило, повторяется трижды. Так поется и этот блюз. Русский текст А. ХВОСТОВА.

4-374

$\text{♩} = 84$

It takes a worried man to sing a worried song. It

takes a worried man to sing a worried song. It takes a worried man to

sing a worried song. I'm worried now but I won't be worried ' long.

Б Л Ю З И З М У Ч Е Н Н О Г О

Где грусть — там и песни печальные поют.
Дни проходят, но печали не пройдут.

Я реку пересек, и в травах я уснул,
Когда ж проснулся, то услышал цепи гул.

Цепь стянула ноги и обвилась кругом:
Был свободным, а теперь вот стал рабом.

Я спрашивал судью: «Каков мой приговор!» —
«Двадцать лет в копиях у Скалистых гор».

Дал машинист гудок, и тронулся вагон.
Любимую далеко увозит он.

Я долго вдалеке смотрел, пока хватало глаз.
Махнула ты теперь уж в последний раз.

От грусти выдумал я песенку свою
И каждый день, каждый день ее пою.

It takes a worried man to sing a worried song.
I'm worried now but I won't be worried long.

I went across the river, and I lay down to sleep.
When I woke up, had shackles on my feet.

Twenty nine links of chain around my leg,
And on each link, an initial of my name.

I asked that judge, tell me, what's gonna be my fine.
Twenty one years on the Rocky Mountain line.

The train arrive, sixteen coaches long,
The girl I love, she's on that train and gone.

I looked down the track, as far as I could see.
A little bitty hand, was waving after me.

If anyone should ask you, who made up this song.
Tell 'em 'twas I, and I sing it all day long.

Индекс 70781
Цена 25 коп.